

Р. Канушкин

ПОСЛЕДНИИ
ВАРЯГ

Роман Канушкин
Последний варяг

«АСТ»

2010

Канушкин Р.

Последний варяг / Р. Канушкин — «АСТ», 2010

«...Кто только не съезжался к просторному княжескому терему, срубленному недавно на вершине живописного холма в самом сердце Киевских гор. Приходили славянские князья из земель кривичей и вятичей, новгородских словен да радимичей, из древлянских лесов и лугов тиверцев; распря с Олегом осталась позади, и вожди славянских племён были желанными гостями за княжеским столом. Из самой степи, из далёкого Итиля и дивной крепости Саркел, что на реке Танаис, приезжали на гордых скакунах хазарские посольства. Воины этого народа славились храбростью, женщины – красотой, а столица Итиль – справедливостью к купцам. Водным путём из городов, прекрасных, как сон в весеннее утро, приходили греки посмотреть на молодого и энергичного князя нового государства, неожиданно утвердившегося от южной степи до самых северных морей. И шептались люди, говорили о разном. Кто-то об очевидной выгоде жизни под князем, мол, и „примучивает“ меньше, и дань Олегу мягче, чем хазарам. Кто-то о том, что сейчас, прямо на глазах, рождается сила огромная, но, как отнестись к ней, пока не ясно. Вроде бы на землях воцарились мир и спокойствие, да уж больно много власти потребовал себе молодой князь...»

© Канушкин Р., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

Пролог	5
Часть 1	8
Глава 1. Морские короли	10
1	10
2	11
3	12
4	15
Глава 2. Последний день рода Куницы	17
1	17
2	19
3	21
4	22
5	23
6	25
Глава 3. Разлучённые	30
1	30
2	30
3	32
4	32
5	33
Часть 2	35
Глава 4. Новая весна и новая осень	36
1	36
2	36
3	38
4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Роман Канушкин Последний варяг

Пролог

Человек в сером шёл сквозь ночной лес. Его шаги были почти бесшумны. Длинным посохом он раздвигал ветви деревьев, преграждавших путь. Он умел быть тихим, очень тихим.

Человек в сером не боялся тьмы, окутавшей мир. Уже очень давно он жил в ладу с этим миром. Он был мудр и спокоен, и крепость духа заставляла его сейчас пробираться через лес, полный хищных теней и ночных чудовищ. Их он тоже не боялся. Он умел не бояться. Скорее сам лес сейчас притих и настороженно вглядывался в высокую фигуру длиннородого седовласого старца с тяжёлым посохом волхва в сильной руке. Человек в сером умел внушать почтение окружающим.

Но теперь цель его была близка. На поляне, посеребрённой луной, находилось жилище, укрытое за деревянным частоколом. Что ж, лес – хорошее убежище для усадьбы мирных охотников. Лес надёжно прятал от бесконечной распри родовых князей и от безжалостных хазарских коней, которые всё чаще стали топтать щедрую землю. С трёх сторон лес подходил очень близко к частоколу. И лишь с четвёртой извивалась лента реки, и в ней, как в серебряном зеркале, переливались живые блики полной луны.

Человек в сером не желал зла этим людям. Невзирая на то, что род Куницы, а именно так называли себя люди из племени тиверцев, спящие сейчас в просторной избе с красивым резным крыльцом, признали власть варяжского князя и согласились платить ему дань куницей, сободем или горностаем.

Мир менялся, и человек в сером обязан был хранить его от разрушения.

Но, конечно, не всех людей рода Куницы сморил сладкий сон. Дозорные на островерхом частоколе бдрили. Их глаза прекрасных охотников видели во тьме, а уши различали в звуках ночного леса малейший шорох. Да и собаки, охотничьи псы во дворе, заволновались, словно чуя неладное.

Всё это не беспокоило человека в сером. Он умел ещё кое-что. Это было очень древнее умение. И оно передалось ему от его отца, а тому – от его отца, и так было от начала времён, с момента появления первых волхвов, когда они пробудились в этом мире и взяли на себя заботу о его сохранении. Человек в сером умел становиться невидимым. Незамечаемым. Исчезать из сознания людей. Самое интересное, что для хищного лесного зверья, да и многой иной скотины, человек в сером тоже становился неразличим, когда пользовался этим своим умением. Они лишь чувствовали его, чувствовали его скрытую природу, и даже матёрых волков она заставляла, поскуливая, отползать в сторону. Да, было у человека ещё одно умение. Самое древнее. Но им он воспользуется лишь в крайнем случае.

Человек в сером вышел на кромку леса и двинулся к частоколу. Дозорные встрепенулись, но к тому моменту лишь слегка примятая трава обозначала его шаги.

А в доме рода Куницы мальчик, которого прозвали Авось, укрыл полотняной тканью свою маленькую сестричку. Девочка была белокурой и необычной. Авось знал это. Хотя, когда тебе девять лет, четырехлетняя сестренка всегда будет казаться самой необычной.

– Авось, Авоська, – шёпотом просит девочка, – покажи лодочку.

– Ш-ш-ш. Спи, – отвечает брат. – Отец заругает. – И всё же показывает сестрѣнке вырезанную из дерева лодку, и даже мачта для паруса уже поставлена.

– Касивая... – шепчет девочка.

– Спи, – говорит Авось. А сам прислушивается. С каким-то еще непонятным ему беспокойством оглядывается по сторонам. Прячет лодку и... снова прислушивается. Затем бесшумно спрыгивает с лежанки и прокрадывается к окошку. Смотрит в резную щель ставенки.

– Ты чего? – шепотом просит девочка.

– Не знаю.

– Ну чего?!

– Да не знаю, – тихо отмахивается Авось.

Лукавая улыбка вот-вот растянет губки девочки – братик, наверное, играет с ней. Но Авось, не поворачивая головы, приглядывается и говорит что-то непонятное.

– Стало как-то очень тихо.

Это правда. Эту тревожную тишину слышат дозорные, хмуро переглядываются. В голубятне закурьликали голуби. Шорохи, таящиеся шорохи. А потом... Холодное, тоскливое ощущение, словно какая-то волна прошла мимо. Только во дворе, залитом бледным размазанным светом луны, никого нет.

А мальчик всё прислушивался. Но вроде бы всё спокойно. И этот чуть слышный скрип входной двери и тревожный шорох в сениях, наверное... Наверное, просто показалось. Да и эта необъяснимая тоска вдруг улеглась. Всё спокойно. Лишь сонное дыхание людей. Авось передёрнул плечами, ещё постоял недолго и вернулся к своей лежанке. Сон вот-вот захватит его.

Только человек в сером был уже в доме. Теперь он ушел из глаз, ушей и мыслей этих людей. Он позволил их сну быть спокойным и приятным. Его благородное чело разгладилось, человек в сером улыбнулся. Вполне даже добродушно, никакие хищные складки не залегли в уголках его губ. Он нашёл то, что искал.

Прямо над домашним очагом, над непотухающим пламенем, но аж под самым потолком, подальше от проказливых детских рук, висел амулет – оберег клана: высушенная голова куницы и кожаный мешочек с травами, кореньями, серой и солью под ней. Человеку в сером не нужен весь этот тотем – лишь клочок шерсти. Ему подойдёт, ему хватит укрытой там магии.

Блеснуло лезвие ножа – дело сделано. Теперь можно уходить. Волхв, как и всегда, справился со всем быстро. Как и всегда, но... не в этот раз.

Поначалу человек в сером даже решил, что ослышался. Слишком уж этот звук контрастировал с сонным спокойствием, которому он позволил залить всё пространство дома.

Это был смех ребёнка. Человек в сером и сам чуть не улыбнулся. Возможно, малышка видит счастливый сон. Да только... что-то слишком уж живое и бодрое почудилось в этом детском голоске. Смех был любопытный и даже где-то озорной. Человек в сером недоумённо обернулся. Недоумение быстро переросло в озадаченность. Это было невозможно. Белокурая девчушка весело улыбалась и показывала на него пальчиком. Но... Невозможно. И вот тогда на какое-то мгновение человек в сером потерял над собой контроль.

– Ты что, *видишь* меня? – обескураженно то ли спросил он у девочки, то ли просто озвучил свою невероятную и пугающую мысль. Как будто подтверждая его слова, девочка снова безмятежно засмеялась.

Лицо волхва застыло, словно окаменело. От прежнего спокойного добродушия не осталось и следа. Хмурая складка на миг прочертила лицо человека в сером, сделав его угрожающе страшным. И этого мига оказалось достаточно. Девочка испуганно расплакалась, и её согнутый пальчик, указывающий на волхва, задрожал в воздухе.

Медлить было нельзя. Человек в сером начал поднимать посох.

Плач сестрёнки вывел Авосю из сонного оцепенения. Как будто дурман развеялся. Мальчик вскочил на ноги, но в короткий миг, пока он поднимался, Авось увидел, на что был нацелен пальчик девочки. Там, рядом с очагом, у негаснущего пламени, в переливах воздуха какое-то движение...

– В доме кто-то есть! – закричал Авось.

Охотники рода Куницы были детьми леса, такими же, как и человек в сером. И они умели действовать без промедления. Мужчины уже были на ногах; длинные ножи – не такие, конечно, как мечи княжеской дружины, но всё равно весьма грозные – покидали ножны. Стрелы ложились на тетиву. Охотничьи копья и рогатины...

Волхв застыл. Стоило признать, что это и есть тот самый крайний случай. Сейчас человеку в сером понадобится его самое древнее умение. Авось увидел, как отец, вождь охотников рода Куницы, вскинул левую руку, требуя тишины, молчания. Мужчины замерли. Авось подхватил сестренку, успокаивая девочку. В правой руке отец сжимал нож в локоть длинной – с таким ходят на медведя или на волка. Сейчас он чуть пригнулся, вслушиваясь в тишину, пытаясь своим безошибочным инстинктом охотника обнаружить источник опасности. Взгляд его серо-голубых глаз, таких же, как и у Авося, переместился на очаг. Языки пламени подрагивали и чуть отклонялись в сторону входной двери – сквознячок. Вождь выпрыгнул молниеносно, безошибочно и легко, как рысь, выбрасывая вперед руку с ножом. Но рассек лишь пустой воздух. Снова взмахнул оружием – прежний результат.

Вот тогда Авось понял, что ему делать. Впервые он послушался отца, впервые вскочил без разрешения.

У очага стояла большая деревянная миска с мукой. И хоть мука была в доме огромной ценностью, мальчик всю её без сожаления высыпал на пол.

Вождь взмахнул ножом. И тогда все присутствующие увидели на муке отпечатки ног – кто-то невидимый торопился покинуть дом. А потом Авось почувствовал, как у него холодеет спина. Волна жути прошла по помещению. Только что у всех на глазах эти торопливые человеческие следы на муке стали... Там, ближе к двери, они стали следами собачьих лап. Или лап волка.

Какая-то немислимая сила устремилась отсюда вон, она вышибла входную дверь, сбива с ног одного из дозорных. Качнулся частокол, и треск веток в лесу...

Вождь был уже на крыльце. Авось поспешил за ним. Мальчик даже не успел заметить, когда отец поменял оружие, – сейчас он держал в руках натянутый лук. Но странной была стрела – Авось никогда прежде такой не видел. Чёрная стрела с серым оперением и длинный, светлого металла наконечник. Необычный, с какими-то рунами, которые Авось видел прежде только у волхвов.

– Прости, отец, – начал мальчик. – Я послушался.

– Ты послушался, – серьезно перебил его вождь, опустив лук, но потом улыбнулся. – И не ругать мне тебя за это, а хвалить. Ты молодец, Авось.

Теперь и мальчик расплылся в улыбке. Но всё не мог оторвать взгляда от необычной стрелы.

– А... Что же это?.. – Авось с жадным любопытством смотрел на наконечник. Отец перестал улыбаться.

– Это зачарованное серебро, – тихо пояснил он.

Авосю показалось, что он уловил какую-то печаль в глазах отца. Мальчик спросил:

– Зачарованное серебро? Но зачем оно?

Отец вдруг потрепал Авосю по волосам – мальчику не часто перепадали знаки его нежности. Отец помолчал, глядя во тьму леса. Потом чуть сощурил глаза и произнёс ровным голосом:

– Сегодня наш дом посетил оборотень.

Часть 1 Пророчество и узелок

892 год. Уходит старая эпоха. Мир почти расколдован. Солнце распятого Спасителя воссияло над возрождающейся Европой. Рим на западе и Византия на востоке превратились в духовные центры нового миропорядка. Но по краям этой просвещенной цивилизации все еще живет древняя магия.

Именно сюда новгородцы призвали на княжение варяжского конунга Рюрика. «Ибо, – как рассказывал летописец, – восстал род на род. Сильна и обильна земля наша, да порядка в ней нет».

Умирая, Рюрик оставил заботу о наследнике – младенце Игоре – на своего родственника Олега.

Князь Олег впервые в истории начинает собирать русские земли в одних руках, пытается положить конец родовой усобице. Выходя из Новгорода, князь берёт Смоленск, двигаясь по Днепру, берёт Ловеч и не останавливается до самого Киева. Олег подчиняет древлян, подчиняет северян, подчиняет тиверцев, он подчиняет радимичей и предлагает всем данникам хазар перейти под его покровительство и поглядывает в сторону Царьграда. Князь Олег соединяет оба конца великого пути «из варяг в греки», и по имени его племени собранные славянские земли прозовут Русью, а самого князя – Вещим.

«Но, – говорит летописец, – сердятся волхвы. Сердятся на Олега. Милы им старые родовые устои, хотят они сохранить привычный порядок вещей». А времени всё меньше.

Потому что существует пророчество о витязях из-за моря. Древнее пророчество, смысл которого вот-вот будет разгадан.

Глава 1. Морские короли

Сбор гостей – кровь Рюрика – белокурая девочка – тень врага – вода заговорила

1

Кто только не съезжался к просторному княжескому терему, срубленному недавно на вершине живописного холма в самом сердце Киевских гор. Приходили славянские князья из земель кривичей и вятичей, новгородских словен да радимичей, из древлянских лесов и лугов тиверцев; распря с Олегом осталась позади, и вожди славянских племён были желанными гостями за княжеским столом. Из самой степи, из далёкого Итиля и дивной крепости Саркел, что на реке Танаис, приезжали на гордых скакунах хазарские посольства. Воины этого народа славились храбростью, женщины – красотой, а столица Итиль – справедливостью к купцам. Водным путём из городов, прекрасных, как сон в весеннее утро, приходили греки посмотреть на молодого и энергичного князя нового государства, неожиданно утвердившегося от южной степи до самых северных морей. И шептались люди, говорили о разном. Кто-то об очевидной выгоде жизни под князем, мол, и «примучивает» меньше, и дань Олегу мягче, чем хазарам. Кто-то о том, что сейчас, прямо на глазах, рождается сила огромная, но, как отнестись к ней, пока не ясно. Вроде бы на землях воцарились мир и спокойствие, да уж больно много власти потребовал себе молодой князь.

Но осторожней всех были греки. Они умели произнести много пышных слов, не сказав ничего. Они умели ждать. Носы их красивых кораблей, галер и триер венчали боевые тараны, скрытые под водой, и они были украшены глазами, зрящими уже множество человеческих жизней. Эти глаза видели начало первой войны из-за женщины, падение дивной Трои (хвала расположению Афины и хитроумию Одиссея!), – в ту юную пору люди ещё сражались бок о бок с героями; видели нашествие бесчисленных армий персов с царями-чародеями во главе; видели взлёт и падение Рима и рождение новых царств. Когда молодые невежественные народы приходили из тьмы дремучих лесов разрушить эллинский мир, но сами оказывались побеждены, если не греческими армиями, то солнечным светом и синевой бездонного неба, растворёнными, как застывшая музыка, в камне их городов. «Хитрый народ», – говорили о греках с глубоким уважением, но и не без доли насмешки в доме Рюрика. Просвещённые греки платили норманнам той же монетой. И вели хроники, что покоятся в тиши библиотек. В зависимости от обстоятельств, греки предпочитали видеть викингов то великими морскими королями, то пиратами, промышляющими прибрежным разбоем. Ещё бы, их подвиги были известны по всей Европе: от Аквитании и Сицилии до северных морей и Фрисландии – их грозные драккары, чудовищные корабли-драконы, внушали ужас жителям портовых городов. Сам Рюрик из клана Скельдунгов был в молодости известен под говорящим именем «язва христианства». Когда-то германский император Лотарь лишил его за неуправляемость фамильных владений, округа Рустринген. Тогда этот морской король (или пират, уж как посмотреть!) во главе флота из 350 кораблей-призраков погулял по Эльбе, опустошил северные берега страны, что звалась когда-то Галлией и где сейчас сливались в новые царства остатки Франкской империи, а в году 850 от рождения Спасителя нашего напал на Британию. И везде он лишал добрых христиан того, что, по его мнению, было излишками. Правда – и хитрые греки это признавали, – никогда прежде пираты не основывали новых

царств. Поэтому на продолжателя дела Рюрика, князя Олега, византийцы посматривали с настороженным любопытством.

А ещё на волхвов, длиннобородых и длинноволосых колдунов, которых здесь чтили и которым за княжеским столом выделено было особо почётное место. Почти такое же, как и верной дружине, что зовёт себя гриднями князя.

2

Эта белокурая девочка всё не шла из головы. Хотя беспокоиться сейчас следовало о другом, но... Слишком много совпадений в последнее время. Слишком много знаков. Однако ж смысл их тёмн и пока не ясен. И ошибиться очень легко.

– Тут всё очень хрупко, – прошептал человек в сером, глядя, как река неспешно несёт свои зелёные воды, на поверхности которых играли, переливаясь, солнечные зайчики и деловито шныряли водомерки.

(Тень врага уже в доме князя. Из-за него всё изменится.)

Человек в сером мучительно поморщился и... снова подумал о девочке.

Она видела его. Более того, она могла его видеть. С детьми иногда случается, что им открыт тайный мир или они чувствуют его присутствие, но в ту ночь человек в сером закрыл любое зрячее око надёжной пеленой. Однако ж...

Волхв улыбнулся, снова вспомнив, как девочка смеялась в ту ночь, и хмурые складки на его лбу разгладились. Малышка не смогла спрятаться от него, когда он гадал на рунах, следовательно, не враг она, затаившийся в тельце ребёнка, их судьбы сейчас никак не пересекаются. Но... девочка, конечно, необычная.

– Великая волхвиня родилась в глуши, – прошептал человек в сером. – Вдали от великих дел.

Он поднялся, опираясь на посох, и снова посмотрел на воду. У него было много имён. Князю и народу древлян, да и почти всем остальным, он был известен как Белогуб, и человека в сером это устраивало. Такое имя – лишь неверная тень его прозваний, а подлинное имя следовало всегда хранить в тайне. Даже волхвам, среди которых он давно почитался за первого, оно было неизвестно. Хотя – губы Белогуба опять растянулись в улыбке, только в глазах мелькнул колючий огонёк, впрочем, вполне доброжелательный, – все мудрые хранят свои имена в тайне. Даже любимец князя Олега волхв Светояр.

– Вряд ли девочка опасна, – внезапно произнёс Белогуб и сам удивился сказанному. Ведь на самом деле гораздо больше волновать должно другое. Что-то происходило прямо сейчас, в эту самую минуту, но смысл этого всё оставался скрытым для Белогуба.

«Тень врага уже в доме князя», – нахмурился волхв.

Кто он? Что за враг? Почему глаза слепы и не видят? И эта девочка... Почему всё не идёт из головы? Это из-за Лада? Сын древлянского князя, конечно, смышлённый мальчишка, да только никогда волхву не передать ему своих уроков. А эта девочка...

«Сила, что родилась в ней, смутила меня, – предположил Белогуб, – смутила и обрадовала».

Все его инстинкты в отношении девочки молчали. Никаких тревожных сигналов, никаких тёмных предчувствий. Ведь волхв гадал, и их судьбы действительно не пересекались – холодная тень вовсе не легла на сердце.

(Тень была. Только совсем другая.)

Да и потом... Никогда волхвине не стать женой князя. Её дом – лес да укромные места, а не княжеский терем. Иначе растеряет своё искусство, перестанет быть волхвицей. А вот Белогуб взял да и помянул её вслух.

Волхв вздохнул и пошёл от реки прочь. Он заставил себя больше не думать о маленькой белокурой девочке из рода Куницы. Сейчас были дела поважнее. Впереди ждал долгий день, а Белогуб всегда умел внимательно слушать и, главное, слышать и держал глаза широко открытыми. Волхвы на княжеском пиру, конечно, сразу же окружают его с расспросами о древнем пророчестве, о том, что ещё удалось выведать самому искусному из них. Но он им ничего не скажет. Потому что и меж них уже крадётс я измена, и меж них уже поселилась... тень врага.

Вернее, скажет, но только то, что и так всем известно.

Белогуб шёл к Киевским холмам, глаза его были мудры и спокойны, а на устах светилась улыбка. Люди приветствовали волхва лёгкими кивками и почтительно уступали дорогу.

Невзирая на чистую ясную благостность, исходящую от него, внутри волхв оставался сосредоточен, как натянутая тетива. Белогуб почти полностью разгадал пророчество. Оставался последний вопрос, последний камешек в пугающем узоре. Но он знал, как получить ответ. Если не в это полнолуние, то в следующее. Пока через него и Говорящую воду не пройдут обереги всех славянских родов.

Белогуб нёс в своём сердце и посохе чистую магию древности. В определённые моменты, когда Луна, Ночная мать, широко вставала над землёй и лик её был огненно красен, магия эта позволяла воде говорить. И вода сказала. То, отчего чистое и открытое сердце волхва сжалось в ледяной комок.

«Тень врага уже в доме князя. Из-за него всё изменится».

Волхв коротко и болезненно вздохнул, но вот его чело уже снова разгладилось. Белогуб обязан узнать эту тень. Он ничего не скажет другим волхвам, но будет внимательно смотреть. Вглядываться в лица. Искать знаки, намёки, еле уловимые смыслы.

Кто из княжеских гостей эта зловещая тень? В чьих глазах таится эта лиловая искорка обмана, а в сердце уже набухает капля яда? Кто посмел бросить вызов Зову, что пробудил весь этот мир? Удушье, тёмное удушье подступало к горлу от таких вопросов. И главное: почему не сам враг, а лишь его тень? Вода на это не ответила. Да и никогда она не давала прямых ответов. Потому что вторая половина ответа должна родиться в зрячем сердце волхва. И только так, и не иначе. Поэтому Белогуб будет внимательно смотреть, искать и думать. И попытаться постичь смысл туманных и страшных слов, что открылись ему.

А волхвам он ничего не скажет. Не скажет, что пророчество, которого они так опасаются, оказалось намного более грозным. И что оно уже начало сбываться.

3

Столы были уставлены вкусными и обильными яствами, греческим вином и крепким хмельным мёдом. Во главе стола сидел князь Олег в чистом, но простом походном облачении. В сравнении с ним некоторые купцы выглядели богатыми восточными царями, не говоря уж о греческих вельможах. По обе руки князя расположилась его верная дружина – его соратники и друзья, княжеские гридни. Это было очень необычное сообщество, где князь был всего лишь первым среди равных. В некоторых из них, так же как и в самом Олеге, текла кровь конунгов: кровь пиратов и морских королей. Другие – из обедневших викингов – доказали своё право находиться здесь мечом и боевой удалей. Был среди гридней князя даже арабский воин Фатих, улыбчивый человек, чьи глаза могли становиться безжалостными. Ну и, конечно, гороподобный силач, всеобщий любимец Фарлаф, по прозвищу Железная Башка.

– А не выпить ли нам за волхвов? – предложил ироничный Свенельд, верный советник из княжеских гридней. – Много чего пролегло меж нами. Так оставим плохое гнить меж костей наших врагов!

– Йо-хо-о! – подхватили гридни.

– Ибо сказано, – смиренно добавил лукавый Свенельд, теперь поглядывая в сторону греческого епископа, – кто старое помянет, тому глаз вон.

Волхвы поднялись с мест и, хмурясь, поклонились князю.

– Глаз вон, – повторил Фарлаф, словно обрадованный неожиданной перспективой.

А перед князем появился баян; волхвы глядели на него благосклонно.

– Позволь, князь, спеть тебе хвалебную песнь, – попросил баян.

Не то чтобы на лице князя появилось нежелание слушать и скука, но какая-то весёлая радость на миг ушла из его взгляда. И все же Олег, почти незаметно поморщившись, согласился.

– Великий князь, любимец богов, – затянул баян, – врагов одолел в один миг. Сверкает, как буря, его грозный меч, как солнце – его светлый лик.

Фарлаф поднялся со скамьи.

– О ком сложили эту песнь, Олег? – изумлённо спросил он. – Кому это боги послали таких жалких врагов? В один миг... Кто тот несчастный?

Подобная бесцеремонность вызвала замешательство среди гостей. Баян побледнел и растерянно посмотрел на волхвов. Те с негодованием уставились на берсерка.

– Твоё поведение оскорбляет нашего господина, – сказал берсерку волхв, из тех, кто шушукался с Белогубом.

– Нашего господина, – с усмешкой возразил берсерк, – могут оскорбить лишь льстивые слова. Следует уметь уважать своего врага. Это говорю вам я, Фарлаф Железная Башка. А у меня их было немало.

Князь Олег, с трудом сдерживая улыбку, посмотрел на своего гридня. А Фарлаф, видимо, входил во вкус.

– Я вот что скажу, – заявил он и обвёл лукавым взглядом дружину, хотя на князя почему-то не посмотрел. – У нас говорят, что старый волк-оборотень родил скальда – дух поэзии. Я не знаю, я при этом не был.

Послышались одобрительные смешки, и довольный берсерк продолжил:

– И потом, давно это было. Но вот я знаю, что скальд нашептал мне эту песню.

Фарлаф коснулся струн небольшой походной арфы, смотревшейся комично в его огромных лапищах, и вдруг запел неожиданно приятным глубоким голосом:

За северным ветром Брунгильда жила,
Над морем в камнях её дом.
Ткала дева берсерку сияющий стяг,
но думала о другом.
Как бы с любимым мёду испить,
Как бы берсерку героя родить.

Дружина подхватила последнюю строчку и начала подпевать, а Фарлаф продолжил:

Ушёл любимый в далёкий край,
К озёрам и лесам.
Морской скиталец нашёл там свой дом,
Предел положив мечтам.
С кем же Брунгильде мёду испить,
Как же деве героя родить?

Стал строить варяг в чужом краю

Замки и города
И победил врагов, что злой рок ворожат,
Глядя в чёрные зеркала.

(При этих словах Фарлаф с насмешливым вызовом посмотрел на волхвов.)

Прощай, прощай, Брунгильда моя,
Лишь ветру Борею теперь ты сестра.

Но гордая дева не стала искать
Дороги земного царя.
Угасла надежда, песнь девы ушла,
Покинув родные края.
О где же ты, та, что Брунгильдой звалась?
Не в небо ль ночное звездой поднялась?

Клинок врага отыскал в бою
Морского скитальца грудь.
И смерть героя ему помогла
В Вальгаллу врата распахнуть.
Прощай, прощай, Брунгильда моя,
И в небе ночном воссияла звезда.

В чертоге небесном был пир королей,
И встретились двое. С тех пор
Каждую ночь две светлых звезды
Выходят на небосклон.
Любимая, здравствуй, Брунгильда моя!
Я муж тебе, ты мне навеки жена.

Фарлаф закончил петь. На какое-то время в тереме воцарилось молчание, потом человек в сером произнёс:

– Эта песнь о смерти какого-то скитальца. Баян же собирался петь о жизни князя.

Фарлаф усмехнулся, и тогда вмешался Свенельд.

– Это песнь о Рюрике, – вежливо возразил он. – И князь её любит. Нет для воина судьбы достойнее, чем погибнуть в бою.

– Йо-хо-о! – прогремел Фарлаф. – Да! Вот про это я и толкую. Скажи им, Свенельд, ты в разговорах похитрее грека будешь!

Однако глаза Свенельда приобрели неожиданную задумчивую мечтательность, и он продолжил:

– И тогда туманы этого мира развеются, и за радугой откроется путь в Вальгаллу. Я уверен, что Рюрику сейчас там подносят питьё девы-лебеди, которых мы зовём валькириями. И на пиру королей, среди Асов, Рюрику не стыдно смотреть в глаза своим предкам.

– За Рюрика! – поднял кубок князь Олег.

– За Рюрика! – подхватили гридни.

– За князя Олега! – закричал Фарлаф.

– За Олега! – откликнулась дружина.

Пир продолжался. И в этот момент в дверях гридни появился седовласый и седобородый старец с посохом и в одеянии волхва.

– Светояр! – обрадованно произнёс Олег, поднимаясь со своего места и направляясь к гостю. – Вот кого я жду уже давно.

Князь вежливо и с достоинством поклонился старцу. Они обменялись приветствиями, но вместо того, чтобы вернуться к столу, направились в дальний угол просторной залы.

– Только возвращайся скорей, Олег! – крикнул вслед вождю Свенельд. – А то Фарлаф обещал выпить сегодня бочку мёда, и, боюсь, он исполнит свою угрозу.

Князь улыбнулся. Однако, как только они отошли на достаточное расстояние и волхв заговорил, лицо князя стало совершенно серьёзным.

* * *

– Князь, я почти разгадал смысл древнего пророчества о витязях из-за моря, – сказал Светояр.

Олег чуть нахмурился, окинув взглядом гридню, почему-то задержался на княжиче Игоре, – как же быстро растёт мальчик! – затем с любопытством посмотрел на волхва:

– Вот как?

– О тебе это, князь, – быстро заговорил Светояр. – О родиче твоём Рюрике, что на кораблях пришёл в землю нашу, и о сыне его единственном Игоре.

– Он мал совсем.

– Да, князь. О том и речь. Кровь Рюрика, соединившись с кровью одного из славянских родов, и сотворят ту новую силу. – Светояр замолчал и коротко взглянул в сторону волхвов, угрюмо взиравших на разгорающийся пир, – что так стерегутся они. О том древние слова.

Олег задумчиво смотрел на старца:

– Светояр, ты волхв. В пророчестве говорится о конце власти волхвов, о гибели старых устоев. Зачем ты со мной?

– Я верю тебе, князь Олег. Верю, что благо творишь.

Князь кивнул. Прежнее лукавое любопытство во взоре его сменилось оттенком настороженности:

– Ты сказал, «одного из славянских родов». Но как же отыскать этот род?

– Ты зорек, князь. Именно это. Это последнее, что осталось разгадать.

4

На капище человек в сером пришёл один. Сегодня выпала подходящая ночь. Курган был чёрен, и лысую вершину его осветила полная луна, плывущая в ясном небе. Но не только она одна, покровительница тьмы, Ночная мать, давала сейчас свет. На кургане горел костёр – сакральное пламя не должно гаснуть до конца дней. Белогуб очертил пламя девятиугольной фигурой со стреловидными кусками коры в вершинах. На каждом куске были вырезаны руны, а полости залиты красной краской, смешанной с кровью жертвенных животных и зельем ведьминых трав.

Перед человеком в сером стояла широкая чаша с водой, красной от отблесков огня. Множество оберегов разных славянских родов уже побывали в пламени, но вода пока молчала. Эта необычная девочка, что видела его. Видела сквозь тайный огонь, которым человек в сером умел сжечь восприятие людей. Это могло ничего не значить. И могло значить всё, что угодно. Вот – родилась ещё одна ведунья, ей подчинится ворожба. Он мог бы её многому научить. Если только... вода промолчит и на этот раз.

Человек в сером бросил первый кусок коры в костёр. Чистый ночной воздух тут же наполнился пряными дымами, которые умели пробудить воду.

Плотно сжатые губы волхва разомкнулись, и он тихо, с торжественным благоговением позвал:

– Хозяин Велес!

Поочерёдно бросая в костёр кусочки коры с рунами, он приговаривал:

– Косматый Велес, скотий бог... – следующий стреловидный кусок полетел в огонь, – бог мертвецов и бог колдунов, – ещё один кусок коры брошен в костёр. – Дозволь воде заговорить с тем, кто клялся тебе на золотых браслетах...

Дурман-дымы потянулись над капищем, Белогуб глубоко вздохнул, отправляя в огонь очередной кусок. Когда он заговорил снова, голос его зазвучал повелительно – оттенки рабской покорности, с которыми он начал свою речь, исчезли.

– Ты ж, вода-пророчица, реки всю правду. – Последний кусок коры полетел в костёр. – Под полной луной, матерью Волка, заклинаю тебя и приказываю. – С этими словами волхв извлёк из кожаного мешочка клочок шерсти, похищенный им из дома рода Куницы. Глаза его закатились, на миг оставив в глазницах лишь белки, а голос возвысился почти до визга, когда он бросил шерсть в огонь. – Реки здесь всю правду!

Некоторое время ничего не происходило. Лишь дымы стелились над чашей. Скорее всего, вода опять промолчит. Человек в сером даже собрался уходить, но внезапно что-то привлекло его внимание. Там, в завихрении дымов, он успел увидеть нечто. Затем на поверхности воды, красной от пламени, появилась рябь. Волхв вздрогнул – неужели? Но сомнения сейчас отметались, отметались прямо на глазах: содержимое чаши заволновалось, закипело... Вот-вот вода будет готова заговорить. Лицо человека в сером выражало сейчас страх, недоверие и жадное любопытство. Потом остался только страх, тёмный и холодный, как ночные завывания ветра в зимнем лесу.

Он увидел. Увидел то, что хотел. Получил ответ на пугающий вопрос. И ответ этот оказался ещё более пугающим. Лицо человека в сером застыло и побледнело. Там, в красной воде, в багряных всполохах, точно в зеркале, окрашенном подземным пламенем, он увидел конец своего мира. Право, право оказалось древнее пророчество. Варяжский меч, воткнутый в древний курган, дружина Олега, лютая битва и поражение древлянских воинов. Вода заволновалась ещё больше, и теперь взору волхва открылась картина, от которой его сердце сковала тоскливая скорбь. Пожарища, пожарища кругом; повержен кумир косматого бога Велеса, уже подкрадывается огонь к деревянному идолу, а из глаз его выступили кровавые слёзы и текут по щекам скотьего бога, бога волхвов и бога мёртвых. А потом сквозь всю эту картину разрушения и гибели прежних устоев совершенно отчётливо проступила голова куницы. Это был тот самый оберег, клочок шерсти от которого похитил человек в сером. Только на сей раз глаза оберега словно были живыми. Они смотрели прямо на волхва, и почудилось тому, что в хищном взгляде зверька он уловил что-то непресекаемое.

– Род Куницы, – хрипло выдавил Белогуб.

Вот и всё – он получил последний ответ. Вопросов больше не осталось. Теперь древнее пророчество полностью разгадано. Но всё же некоторое время на лице волхва ещё читались сомнение и настороженная задумчивость. И даже что-то ещё, словно сожаление, словно тихая печаль по-прежнему стучалась в его сердце. А затем то ли багряные всполохи костра хищными тенями легли на человека в сером, то ли глубокие складки исказили уголки его губ, но на лице волхва впервые появилось что-то новое. Как будто на обрамленное сединами и умытое лунным светом лицо волхва легла на миг глубокая тень, сковав черты в зловещую каменную маску.

– Род Куницы, – хрипло выдохнул Белогуб. – Олег и род Куницы.

Человек в сером покидал капище, ещё более укрепившись духом. Он знал, что ему делать.

Глава 2. Последний день рода Куницы

Ветер странствий – Злая Баба и слепой курий бог – тени сумрачного леса – это не волк! – воины-призраки – ярость лесной охотницы – наша дочь будет жить – белый волк

1

Это было чудесное утро. От Авося все отстали, потому что готовились к большому летнему празднику. Когда происходит такое, то взрослым не до детей, и Авось сможет вдоволь поиграть. Правда, отец всё же успел пожуричь мальчика.

– Авоська, – сказал он, – что ж ты всё со своими лодками возишься?

– Я? Я... вот, – мальчик покраснел и смущённо промямлил, – я вот что-то про ветер понял, отец.

– Про ветер? – с лёгкой укоризной улынулся предводитель охотников.

– Да! Если парус на ладье поставить не прямо, а вбок и сделать косым, как край берёзового листа, то даже встречный ветер будет гнать ладью. Можно ходить против ветра. Хочу смастерить...

– Так как же? Так не получится.

– Авось получится! Сейчас смастерю и увижу.

Мать с любовью посмотрела на мальчика, затем позвала играющую с деревянной куклой сестрёнку – девочке недавно сделали татуировку в укромном месте, между спиной и шеей, такую же, как у Авося. Голова куницы – родовой знак: лишь дети вождя имели право на такой. Собственно, татуированная голова куницы – вот и всё привилегии. А доставалось порой поболее, чем многим. Вот и сейчас отец чуть досадливо вздохнул и произнёс:

– Авось, род Куницы всегда жил в лесу. Мы охотники, а лес – наш отец. Да, мы убиваем зверей для пропитания и шкуры берём, но прежде просим прощения у духов животных. Мы дети леса, Авось.

– Я знаю, отец.

– И когда-нибудь ты станешь главой рода.

– Отец, у меня два старших брата, здоровья им. Они лучшие воины и охотники после... – мальчик ещё больше покраснел, – после тебя, отец.

– Хитёр ты, Авось, – произнёс отец, но больше укоризны в его взгляде не было.

И, воодушевившись, мальчик выпалил:

– Милы моему сердцу ладьи, отец! А ещё драккары варягов. Любо мне мир посмотреть.

– Да, и как же ты собираешься? – добродушно усмехнулся вождь. Он уже свыкся с фантазиями сына, во всём остальном мальчик был ладным и смекалистым. Но... было в нём что-то необычное. Такое же, как и в сестрёнке его – единственной девочке в семье вождя.

– Отец! Говорят, князь Олег берёт в дружину не только варягов.

– Князь Олег?! – Теперь уже отец расхохотался в полный голос. – В дружину варягов?!

– Да, отец, – сконфуженно ответил мальчик, но глаза его дерзко блеснули.

Вождь предпочёл этого не заметить и пояснил:

– Он берёт в дружину славных витязей, ратных воинов. Если только ты не такой.

– Я стану таким! Авось возьмут.

– Сын...

– А ещё говорят, что у хазар в услужении люди с чёрными лицами, как зола от костра...

– Что?!

– А у греков за морем – стольный град огромен, за день не пройти, а дома из камня-самоцвета и блестят пуще солнца!

– Авось... Да, сын, есть такой город – Царьградом зовётся. Ходили на него ратники. Ладно... иди, играй. Мы ещё поговорим и про варягов, и про греков.

В общем-то, никакой особой выволочки от отца Авось не получил. Более того, когда он взял свою лодку, чтобы бежать к реке, мать ему ободряюще улыбнулась. Авось в ответ помахал ей рукой. Выйдя за ограду частогола, Авось почему-то почувствовал необходимость обернуться. Словно что-то... Словно какое-то облачко набежало на солнышко. Но всё вроде бы было спокойно. Люди занимались своими делами, готовились к празднику – мирная деревня охотников, а за порогом лежит огромный мир.

Авось ещё раз помахал матери – она так и стояла у резного крыльца. Мама с маленькой сестрёнкой на руках. Такими Авось их и запомнит. Потому что поговорить с отцом «про варягов и про греков» ему уже не удастся.

* * *

Авось вышел к реке, весело катившей свои воды к бурным и опасным порогам. Мальчик разубался – хоть отец и назвал их «детьми леса», но в деревне говорили, что он, будучи юношей, оказался единственным, кто смог на спор прыгнуть в водопад и остаться невредимым. Сам отец об этом не рассказывал, словно было в этом событии что-то непристойное, неподобающее будущему воину и вождю народа охотников.

Выше по реке находился брод, и на нём очень хорошо бить острогой замешкавшуюся рыбу. Там, у брода, были купальни, и там женщины стирали белье.

Авось поставил свой кораблик на воду, ветерок дул с порогов, но с косым парусом опять что-то не вышло, и ладью прибило к берегу. Может, отец и прав, так ничего и не получится.

На другой стороне реки был запретный и сумрачный лес, простиравшийся до порогов и ещё дальше. До самого горизонта. Говорят, что там живёт Злая Баба. Всех мальчиков племени рано или поздно отцы отводят туда и оставляют одних. Когда-нибудь придёт черёд Авося. Говорят, что некоторые никогда не возвращаются. Ещё говорят, что Злая Баба живёт в тёмном тереме, и стоит он на границе страны мертвецов. Там она варит свой котёл, и в нём плавают человеческие тела. И что не терем это вовсе, а слепой куриный бог, и прячет он во влажной тёмной земле свои птичьи лапы. И даже сам косматый бог Велес обходит это место стороной. И только Ярило может беспечно волочиться по запретному лесу. Много чего говорят. Но Авосю нравился Ярило. Почему-то он казался ему весёлым.

– О, Авось! Наш великий мореход, – услышал мальчик. – Из дружины самого Рюрика.

Ну вот, Незван пожаловал со своей ватагой великовозрастных шалопаев. Они уже были во тьме запретного леса, и многие бежали оттуда, как зайцы. Но, конечно, об этом они предпочитают не вспоминать.

– Да, Незванушка, рад я твоим словам, – смиренно согласился Авось, – но не преувеличивай. Незаслуженно ты меня считаешь таким старым, мудрым и опытным.

Незван несколько бестолково захлопал глазами, так и не сообразив, за кем осталось последнее слово. Его компания бессмысленно лыбилась, ожидая следующего слова своего вожака, и Незван заявил, указывая на другой берег:

– Там, в лесу, сила тёмная, Злая Баба. Чует свою еду. Знаешь, что у неё на ужин?

– Что? – Авось изобразил испуг.

– Мальчик белобрысый с его корабликом.

Ватага заржала. Авось вместе со всеми. Потом он спросил:

– А ты, Незван, откуда знаешь? Уже побывал, что ли, её едой?

Все снова заржали. Кроме Незвана. Тот побагровел, и Авось понял, что пора делать ноги.

– Ах, так! – взревел Незван и бросился на мальчика. Но Авось уже проворно вскарабкался по тонкому стволу дерева, повисшего над рекой. Грузный Незван подпрыгнул, но, не сумев ухватиться даже за ближайшую ветку, оставил свои попытки.

– Ладно, – сказал он Авосью. – Вот там она тебя и заберёт.

Потом взял кораблик и забросил его на середину реки, где ладью подхватил поток и понёс её к порогам.

– Вот и сиди там, – довольно заключил Незван. – А мы пойдём купаться.

Авось с грустью посмотрел на своё судёнышко, уносимое водами реки, и вдруг с самоубийственной смелостью сказал:

– Дурак ты, Незван.

Тот ухмыльнулся:

– За это мы с тобой отдельно разберёмся. Как споют твои друзья-варяги. – И Незван, изображая игру на арфе, вдруг заголосил высоким голосом: – Бу-у-ду-у-т бить! И б-у-у-дет много слёз.

Его ватага осталась довольна представлением. Незван восстановил своё верховенство. И позвал:

– Ладно, айда к бродам. Водичка хороша. А ты там сиди, сиди.

И они направились к бродам, а Авось снова с грустью вздохнул, глядя им вслед.

* * *

В этот момент быстрые тени уже скользили по сумрачному лесу, почти не производя звуков. Лишь тихий и тревожный шорох, похожий на еле различимое змеиное шипение.

* * *

Отец Авосья поставил связку охотничьих копий у стены избы и посмотрел, как молоденькие девушки плетут венки из цветов. Да, для молодёжи сегодня тайная ночь...

Вождь вздохнул и, усмехнувшись, негромко пробубнил:

– Дружина варягов...

Потом его лицо несколько помрачнело. Он смотрел на ряд охотничьих луков у колоды. Эти луки, конечно, хороши на охоте, но разве могут они сравниться с огромными луками-убийцами древлян. И это очень верно, что совет принял сторону вождя и род Куницы перешёл под покровительство князя Олега.

Отец Авосья направился в дом. Следовало забрать свой меч. Праздник праздником, а оружие всегда должно быть при вожде.

2

Авось подождал ещё какое-то время. Затем, убедившись, что Незван с ватагой окончательно отчалили, спрыгнул с дерева. Посмотрел вслед своей уносимой течением ладье – она была уже почти у порогов.

– Ладный был кораблик, – вздохнул Авось. Затем вытащил свой небольшой охотничий нож, подарок отца. Кивнул. – Что ж, смастерю новый.

Мальчик начал искать подходящую ветку, затем прислушался. В лесу всегда было очень много звуков. Лес был полон жизни. Дятел стучал по сухой коре. Кукушка отмеряла

кому-то срок жизни. Белки гонялись друг за другом, прыгая с ветки на ветку. Жужжали пчёлы, собирая мёд. Где-то мог закричать олень, и всегда в кронах деревьев галдели птицы.

Сейчас всего этого не было. Лес словно онемел. Лишь река несла свои журчащие воды.

Авось замер. И посмотрел на ту сторону реки. И возможно, мальчику просто показалось. Только показалось, что там, в сумраке запретного леса, он уловил какое-то движение. Крадущееся движение теней.

– Злая Баба, – звонко позвал Авось, пытаясь отогнать страх, что навёл Незван своей болтовнёй, – я тебя не боюсь!

В ответ мальчик услышал только тишину, ещё более глухую, почти вязкую.

– Ну и пожалуйста. Прячься! – сказал Авось, но и сам предпочёл схорониться за стволом. Он посмотрел на свой нож, острый и довольно грозный, потом всё же выглянул из-за дерева.

Что-то было не так. Эта тишина ползла оттуда. Из запретного леса. Там, на другой стороне реки, что-то таилось. И оно приближалось.

* * *

Мальчик Авось не ошибался. Сумрачные тени с тревожным шершавым звуком скользили по лесу всё быстрее. Они спешили к броду.

* * *

Авось раздумывал. Деревня далеко. До брода гораздо ближе. Стоило позвать людей. Ну, и что он им скажет?.. Что не слышно птиц? Его поднимут на смех. Первый конечно же Незван. Сын вождя испугался теней запретного леса, испугался Злой Бабы. Ну и пусть поднимут! Авось двинулся к броду.

* * *

В этот момент человек в сером уже шёл через брод.

Незван сейчас плюхнулся с берега на мелководье, потому что плавал плохо; водица в реке оказалась освежающе-приятной, и Незван раздумывал, какую б ему месть уготовить для Авося. Когда он вынырнул, его глаза округлились от удивления. Приближающийся к Незвану человек был явно волхвом, судя по одежде, бороде и, главное, – по тяжёлому посоху, но почему-то он водрузил на голову оскаленную волчью пасть. Рядом с волхвом шёл, скорее всего, мальчик в чёрной шкуре и пастью волчонка на голове. Незвану захотелось что-то сказать, но он лишь растерянно раскрыл и закрыл рот. Потом Незван увидел, как из-за спины волхва выступила громадная фигура, как будто старец каким-то непостижимым образом прятал её, в такой же чёрной шкуре и со звериным черепом на голове. Незван снова раскрыл рот, да так и застыл, лишь подняв руку с оттопыренным указательным пальцем. Тот, кто показался из-за спины старца, конечно, не был громадным – просто очень большим. Но необычным оказалось оружие, которое тот сейчас поднимал. Незван никогда не видел такого: короткий лук крепился к деревянной палке, и эту палку человек в чёрной шкуре прижал сейчас к своему плечу. А потом Незван увидел и услышал то, от чего кровь застыла у него в жилах. Из сумрака запретного леса выползли грозные тени: словно лесные призраки выступили из-за деревьев люди, много людей с огромными луками в руках. Незван, хоть и не был особо смышленным, узнал их сразу – эти луки были созданы не для охоты. Они служили

убийству людей. И в этот же момент над бродами, над рекой и над бескрайним сумрачным лесом пронёсся одинокий и тоскливый волчий вой.

– Древляне! – закричал Незван. – Древля...

Выпущенная из арбалета стрела обладала немислимой силой – она рассекла утренний воздух и пробила лоб Незвана, оборвав его крик.

3

Авось тоже почувствовал, как кровь холодеет в его жилах. Он тоже услышал этот безнадёжный волчий вой. Авось не раз слышал, как воют волки. Он вырос в лесу и понимал его язык. Но в этом вое... Впервые Авось почувствовал что-то необычное, словно внутри него шевельнулось нечто и распознало этот зловещий вой, который был голосом самой тьмы, самого ужаса, живущего в сердце ночи.

Авось даже не заметил, как произнёс слова, от которых у него похолодело сердце:

– Это не обычный волк. Это вообще не волк.

* * *

Человек в сером обернулся к тому, кто стоял у него за спиной.

– Мал, – позвал он воина в чёрной шкуре, который показался Незвану громадным. – Убить всех. Убить надо всех до одного.

– Женщины и дети, – гигант в чёрной шкуре смотрел на волхва из-под оскаленной волчьей пасти, – хорошие рабы, Белогуб.

– Всех. Особенно женщин и детей.

– Да, волхв.

– И еще. – Белогуб вскинул руку, и гигант тут же замер. – Я смогу подвести вас незамеченными очень близко, князь Мал. Но дальше всё зависит от твоей ловкости.

Тот кивнул. Воины-древляне перешли реку и, рассеявшись по берегу, углубились в лес в сторону деревни.

Человек в сером посмотрел на мальчика в черепае волчонка. Тот был смертельно бледен от страха.

– Лад, – проговорил он мягко, – так надо. Твой отец и я... Надо спасти племя древлян от чёрного проклятья. Или, – он указал мальчику на первых убитых, – на их месте будем мы.

Через несколько минут на реке у бродов остались лишь мёртвые.

* * *

Но кое-что ещё произошло далеко от этого места. Нечто вслушивалось сейчас в тёмный разговор у бродов. Словно эту первую кровь, пролитую накануне великого летнего праздника, когда соседи приходят друг к другу только с миром, учуяла неведомая лесная сила. И заволновался сумрачный лес, и качнулись верхушки сосен. Нечто, таящееся в самом сердце запретных земель, потревожило спящие деревья. Прошлось волной по лесу. И двинулось сюда.

* * *

Белогуб, человек в сером, умел выполнять свои обещания.

Первыми отряд древлян увидели дозорные на пути к бродам.

– Кричи тревогу, – прошептал один другому, извлекая стрелу из колчана. – Беги, поднимай людей!

Но тот даже не успел поднести сомкнутые руки к устам, чтобы издать клич опасности.

Человек в сером вырос словно из-под земли. И впервые Лад, мальчик в черепае волчонка, сын древлянского князя-гиганта Мала, увидел посох волхва в действии. И впервые осознал заключённую в нём сокрушающую смертоносную силу. Движения посоха были столь точны и молниеносны, что оба дозорных даже не поняли, что уже мертвы. Лишь струйки крови выступили в уголках губ. Мальчик Лад перевел ошеломлённый взгляд с посоха на волхва. В его глазах уже больше не было страха. Скорее, безграничное уважение, которое вот-вот обернётся подобострастным восторгом. Но и что-то ещё мелькнуло в его взгляде. Тоже впервые. Какой-то тёмный интерес засветился багряным огоньком кровожадного азарта. Волхв никогда не ошибается, и с волхвом ничего не страшно!

А потом отряд древлян снова скрылся. Словно слился с листвой. Словно они действительно были лесными призраками, которые могли становиться невидимыми.

4

Мать Авосья нашла глазами своего мужа и, подчиняясь неведомому импульсу, забрала у няни дочь. Няня была из племени кривичей, но уже давно жила с родом Куницы. Звали её Жданой, и она качала на руках ещё старших детей князя. Мать Авосья доверяла Ждане, как самой себе, но... Она и сама не понимала причин беспокойства. Да вот только что-то изменилось в воздухе; что-то заныло в груди, и разлитое над деревней умиротворение вдруг показалось ей обманчивым. Да и не было больше никакого умиротворения, не было вовсе. Снова где-то у реки завывали волки, точнее, вой был одинокий, заунывный. И вслед за ним пришло нечто странное – то ли необычное смятение, то ли напряжённая тишина. Люди, не ведая, что происходит, сами оставляли свои дела и лишь встревоженно переглядывались. Вон и девушки, что плетут венки... Прекраса, ровесница её среднего сына, хороша девка, не зря такое имя носит... Только что девушки хихикали, а щёки Прекрасы чуть не залила краска. Оно и понятно – девушек в их возрасте хлебом не корми, дай помечтать о своих тайных избранниках в предстоящую ночь. Теперь же Прекраса тоскливо вздохнула и, отложив своё рукоделие, посмотрела в сторону леса. От бывшего румянца не осталось и следа. Да и лицо её подруги Радмилы обескровилось, как от внезапной неведомой болезни, лишившей сил. Напряжение людей передалось собакам, охотничьим псам, однако те не подняли лай, а напротив, топтались, не находя себе места, и то пытались зарычать, а то, скуля, стелились по траве.

Мать Авосья подошла к мужу.

– Волки, – сказала она. Быстро взглянула на вождя и, словно пытаясь отогнать испуг, натянуто улыбнулась.

– У брода, – согласился с ней тот.

– Так близко. – Женщина чуть помолчала. – Там Авось.

– Не беспокойся. И у брода, и в лесу выставлены дозоры. – Он улыбнулся жене, но сам подумал: «А ведь она права. Дозоры и у реки, и в лесу. Они должны были предупредить о появлении волчьей стаи – у бродов сейчас может быть много детей. Но никто не пришёл за охотниками, чтобы отогнать волков».

Мать Авосья смотрела по сторонам и понимала: то, что она видит, нравится ей всё меньше. Маленькие дети вдруг перестали играть и теперь жмутся к взрослым. Но те не в состоянии им помочь. Они... словно потеряны, словно изменившийся воздух отравил их сумрачным ядом.

– Посмотри на собак, – внезапно сказала она мужу.

– Вижу, – тут же ответил он.

Её сердце подсказывало ей больше. Сердце, которое сковала холодная тоска, говорило, что сюда идёт беда. И что подкралась она уже слишком близко. Приехала верхом на этой густой мёртвой тишине, павшей вокруг.

– Что-то не так, – неожиданно хрипло произнесла женщина. И, стараясь, чтобы муж не уловил в её голосе ноток мольбы, попросила: – Поднимай людей!

Вождь внимательно посмотрел на жену: он не имел права ошибаться. Видимых оснований для тревоги вроде бы не было...

«Всё не так, – вдруг подумал он. – Ты уже давно видишь, что всё по-другому! И твоя жена видит. Её пронизательное сердце редко подводит, и достаточно лишь послушаться его...»

И предводитель охотников рода Куницы поднёс к губам сомкнутые ладони и издал два клича. Первый – клич тревоги, срочного сбора охотников. Второй касался тех, кто ещё не носил оружия (и в первую очередь Авося!), – это был клич опасности, необсуждаемый приказ спрятаться, схорониться в лесу.

Но даже если бы отец Авося поднял людей раньше, всё равно, наверное, было бы уже поздно. Человек в сером действительно умел выполнять обещания. Волхв Белогуб подвёл древлян очень близко к деревне Куницы. Легли в густой зелени, окружающей поляну, на тетивы луков десятки зажженных стрел; взвились, пущенные в воздух, и накрыли деревню, неся вокруг смерть и пожары. И вслед за этим выступили из леса, будто появились из стволов деревьев, будто бы и были этими самыми внезапно ожившими деревьями, молчаливые воины с хищно оскаленными черепами на головах. И всё начало меняться с пугающей быстротой. Залаяли наконец собаки – сила, сковывающая их, став очевидной, ослабила свою хватку. Охотники хватались за оружие, но уже половина воинов Куницы была перебита в первые секунды нападения.

– Древляне! – закричал кто-то и упал, сражённый копьём, вылетевшим из леса.

«Авось! – первое, что пришло в голову жене вождя. А потом сбивчивое и даже униженное: – Нет, нет, они пришли за рабами, они не тронут мальчика!»

И тогда она услышала жёсткое повеление своего мужа:

– Беги в дом! Уходите подземным ходом.

– А как же?..

– Быстро!

Мать Авося с дочерью на руках ещё бежала к дому, когда у частокола появился гигант в чёрной шкуре, с диковинным оружием в одной руке и длинным мечом в другой. И женщина услышала страшный гибельный окрик:

– Убивайте всех! Не щадите никого.

5

Как удивительно порой плетётся нить судьбы. Великовозрастный верзила Незван уже достаточно давно издевался над младшим Авосем. Но именно ему мальчик был обязан тем, что всё ещё жив. Если б Авось не замешкался на дереве, то был бы уже у брода, где его непременно дождались бы древлянские мечи. Или стрелы. Но Авось потерял время, как будто взял его займы у смерти, и сохранил жизнь. Мальчик бежал вдоль реки, думая, что за неведомый зверь мог издавать такой вой. Что-то чуждое, вражеское вползло сейчас в их лес. И лес, свой, такой родной, с исхоженными тропами, почти домашний, стал опасным. Авось остановился. Поднял голову – высоко в небе над бродами кружил одинокий ворон, словно чуял свою добычу. Авось погрозил ему пальцем. И тут же замер. Только что со стороны деревни пришло два клича. Один – клич тревоги! Но и другому отец обучал его специально – это

был известный только роду Куницы клич опасности и приказ, послушаться которого было невозможно, приказ спрятаться, стать невидимым, пока не отступит беда.

– Это отец, – прошептал Авось. – Он хочет, чтобы я схоронился в лесу.

Мальчик не собирался послушаться. Но Незван, подаривший Авосю несколько минут, теперь, видимо, решил получить свой долг. Глаза Авося округлились – он уже некоторое время смотрел на воду поджав губы. О, нет, ворон действительно вился в небе неспроста. Чистые, прозрачные, весело журчащие воды реки теперь замутились. И эти тёмно-красные завихрения в потоке реки было трудно с чем-либо перепутать.

– Кровь? – пролепетал мальчик. Чувствуя, что всё внутри него немеет от страха, Авось ступил на берег. Кровь... Но не только. К нему плыл Незван. Долговязый обидчик сейчас плыл на спине, широко раскинув руки. Вот он зацепился за корягу, и его безвольное тело стало разворачивать. Глаза Незвана были широко раскрыты, а во лбу он нёс жуткое украшение – стрела была непривычно толстая, и почти наполовину вошла в его голову. Авось вскрикнул. Чуть громче, чем следовало, но он ещё никогда не видел насильственной смерти своего ровесника. Дети умирали от болезней, когда им не могли помочь даже волхвы. Но не так. Несколько последних лет, выпавших на сознательную жизнь Авося, были относительно спокойными. Поговаривали, что из-за покровительства дружины князя Олега. Авось его никогда не видел. Но сейчас этот таинственный князь не спас Незвана от смерти. Сейчас река его подхватит и потащит к водопаду, как будто он мёртвый олень, кабан или иной дохлый зверь, а не мальчик, которого Авось сегодня назвал бывшей едой Злой Бабы, а потом обозвал дураком.

– Я его вытащу! – твёрдо проговорил Авось. И всхлипнул: – Я тебя вытащу, Незван.

А минутой ранее древлянский воин услышал крик ребёнка. Он остановился – кричали от реки. Воина звали Комягой. Он не знал, дал ли ему это имя отец. Честно говоря, Комяга не знал точно, кто был его отцом. Но воевать с детьми ему не нравилось. Комяга участвовал в частых и выгодных вылазках за рабами, но вот так резать беззащитных щенков...

Он вздохнул: таков был приказ Мала, и Комяга вовсе не собирался перечить князю, но гораздо больше его пугала перспектива послушаться их волхва. Комяга бесшумно прокрался к реке. Мальчик сейчас разговаривал с трупом. Взгляд Комяги потемнел. Он тихо положил стрелу на тетиву лука. Вот спина ребёнка, прямо перед ним, и если сразу поразить сердце, мальчик даже не будет мучиться. Комяга поморщился. Ему вдруг стало жаль... стрелу. Лишней она в бою не бывает. А меч можно просто вытереть. Он ещё раз поморщился. Меч бесшумно покинул ножны, и Комяга ступил на берег.

Судьба в этот день продолжала свои хитросплетения, и Авосю повезло снова. Ему повезло, что солнце стояло за его спиной. Авось уже зашёл в воду по колена, но так и не смог дотянуться до Незвана. Мальчик раздумывал, как ему правильней поступить: доплыть до тела или воспользоваться какой-нибудь палкой. А потом все раздумья закончились. Авось увидел, как к нему со спины подползает грозная тень. Комяга тоже обнаружил, что ему не удалось остаться незамеченным, – предательская тень выдала его, и мальчишка оказался смысленным. Комяга взмахнул мечом и в следующий миг понял, что как ни жаль, а со стрелой всё-таки придётся расстаться. Мальчишка умудрился увернуться – правда смысленный, – и лезвие меча Комяги лишь обожгло ему правую щёку, нанеся достаточно глубокую рану. Что-то заволновалось на другой стороне реки. И вдруг как-то холодно стало Комяге. Но у него уже не было времени анализировать свои чувства. Мальчишка прыгнул в воду и поплыл. Вот он задел труп, и их обоих подхватило течение. Комяга вынул из колчана стрелу. Прицелился. Если до Белогуба дойдёт слух, что он упустил ребёнка... Комяга спокойно разжал пальцы. Стрела со свистящим шёпотом покинула большой изогнутый лук. Её полёт был краток. Стрела вошла в спину мальчика, как раз когда тот делал взмах рукой. Комяга не хотел,

чтобы ребёнок мучился. Теперь же мальчишка умрет в страшных мучениях – если, конечно, ещё жив, – захлёбываясь водой. Река и пороги сделают своё дело.

Стремнина понесла теперь оба тела к водопаду. Комяга снова тяжело вздохнул – плохо всё это вышло. Может, стоит его добить? Чтоб не мучился? Ладно, вряд ли он теперь ему поможет, наверняка мальчишка мёртв уже, а ещё одну стрелу Комяга пожалел. Он развернулся и двинулся к лесу. И, покидая берег, Комяга вздрогнул: только что он совершенно отчётливо ощутил, как с другой стороны реки за ним наблюдает нечто неодобрительное, враждебное, сильное и злое, и опять внутри себя почувствовал этот непривычный холод.

6

Мать Авосья с дочерью на руках вбежала в дом. Здесь оставалось ещё несколько женщин с малышами. Ждана спешила за ней.

– Быстро в подпол! – скомандовала жена вождя. – Уходим через чёрный ход. В лес!

Женщины замешкались, стали хватать какие-то ненужные вещи, пытаясь собрать их в узлы, но даже сюда уже проникли первые горящие стрелы, и тогда она закричала:

– Оставьте всё! Берите только детей! И уходите!

Однако сама накинула колчан с луком и со стрелами. Она была охотницей и была женой вождя. Затем подбежала к окну, даже не думая схорониться за ставенкой, а лишь прикрыв своим телом дочь. Она выплянула в окно, тут же в её горле застрял крик, так похожий на всхлип. Она смертельно побледнела, выдохнув лишь одно-единственное слово:

– Авось.

Ждана отбросила в сторону мешок, в который пыталась уложить хоть какие-то вещи, и с тревогой спросила:

– Что там?

Но жена вождя молчала. Хотя она всё уже увидела. И всё поняла. Поняла, что им всем уготовано. Гигант в чёрной шкуре теперь укрепил своё диковинное оружие за спиной («стреломёт»), вспомнила жена вождя, когда-то ей рассказывали о таком, говорили, что это подлое оружие, оружие убийц) и только что схватил Прекрасу за волосы. Девушка даже не успела выпустить из рук цветочный венок (кому-то она могла стать красавицей-женой, но даже для древлян была бы ценной рабыней), когда гигант, откинув ей голову назад, безжалостно перерезал Прекрасе горло. Даже не вытирая меча, проткнул грудь её подруге Радмиле. Именно в это страшное мгновение жена вождя прошептала имя своего младшего сына.

– Ну что там? – теперь с нотками паники повторила Ждана.

Всё также, не отрывая взгляда от окна, жена вождя ответила:

– Смерть.

Потом она обернулась. И то, что женщины увидели в её глазах, оказалось страшнее её слов.

* * *

Князь Мал, как всегда, прекрасно справился со своей работой. Почти все охотники рода Куницы были мертвы, оставалось добить лишь женщин и детей. Их вождь с горсткой воинов ещё пытался организовать какое-то жалкое сопротивление, но Мал видел, что вот-вот всё будет закончено.

* * *

Мать Авося откинула лапник в смеси с палой листвой, наваленный в корнях могучего дуба, поднявшегося над обрывом, и первой покинула подземный ход. Тут же взяла наизготовку лук с натянутой тетивой.

– Выходите, – велела она женщинам. – Быстро!

Ждана с её дочерью на руках шла следом, затем показались остальные.

Мать Авося прислушалась – вроде бы здесь всё было спокойно.

– Вот по этой тропинке, – сказала она женщинам. – Бегите!

Тропинка вела в самую чащу леса, к овражкам, где можно было отсидеться. Дальше, обогнув овражки, тропинка сливалась с ещё одной. А та уже вела на большую главную дорогу, по которой можно было добраться до речных волоков, а там уже – куда глаза глядят.

Женщины быстро двинулись по тропе, прижимая к себе детей. Те были напуганы и молчали. Молчал и лес вокруг. И, возможно, напряжение людей достигло предела, и какой-то малыш его не выдержал, потому что в следующую секунду ребёнок заплакал.

* * *

– Мал, смотри! – Человек в сером указывал гиганту на лес, ближе к реке. Мал не смог ничего различить. Но Белогуб указал туда посохом. И князь Мал увидел. И снова ощутил что-то странное по отношению к волхву – то ли безмерное почтение, то ли затаённый страх. Ну и зрение у него! Там было какое-то движение. Теперь и Мал это видел: женщины пытаются бежать в лес, видимо, ушли подземным ходом.

– Пошли туда кого-нибудь, – произнёс Белогуб.

– Я сам этим займусь, волхв.

* * *

Сперва Комяга увидел князя Мала. Тот быстро пробирался с группой воинов через лес, шёл в сторону от деревни.

«Наверное, там всё уже закончено», – решил Комяга. Потом, слева от себя, ближе к порогам, он услышал плач ребёнка. Именно туда сейчас спешил Мал.

– Ах, вот оно что, – кивнул Комяга и двинулся в лес.

Первые стрелы, вылетевшие из-за деревьев, не причинили вреда. Но потом мать Авося услышала звук, похожий на тот, с каким лезвие клинка рассекает воздух, – гибельный звук. Короткая и непривычно толстая стрела пробила спину женщины, чьё дитя сейчас плакало, и та повалилась лицом на траву. Тут же посыпался град стрел.

– Бегите! Бегите! – закричала мать Авося. А потом она увидела, сколько сейчас сюда торопилось древлян во главе с гигантом в чёрной шкуре, с подлым и страшным стреломётом в руках. И тогда жена вождя приняла решение.

– Беги! – обратилась она к Ждане. – Уноси её.

– Нет, хозяйка...

– Беги, спасай мою дочь!

Ждана медлила ещё мгновение, и жена вождя склонилась к дочери и нежно поцеловала её в висок. Ребёнок смотрел на маму, не понимая, что происходит, и вот-вот готов был расплакаться.

– Моя радость, моя кровинушка, – горячо прошептала женщина. А потом она улынулась дочери; мгновение растянулось, и в него уместилась вся любовь и вся нежность, что жила в её сердце. – Я тебя очень люблю. И буду любить всегда.

А потом она оторвалась от дочери. И стоило это невероятных сил. Но жена вождя, глядя прямо на Ждану, с непривычной жёсткостью, но в то же время негромко, чтобы не напугать ребёнка, произнесла:

– Спаси мою дочь!

И Ждана, прижав к себе малышку, побежала по тропинке. А мать Авося кротко вздохнула, бросив на неё прощальный взгляд, и положила стрелу на тетиву лука.

Комяга это видел. И видел, как женщина вдруг исчезла, слилась с листвой. Его это удивило. Но старуха, довольно неуклюже, всё же уносила ноги по тропинке. Комяга хотел было перехватить беглянку – дочь их князя, Белогуб будет доволен. Он даже успел сделать несколько шагов. А потом остановился. Комяга, пока ещё здесь единственный, увидел опасность гораздо более серьёзную и реальную, чем все страхи из-за другой стороны реки. Увиденное заставило его немедленно застыть на месте. Затаился.

А жена вождя в этот момент приняла свой последний бой. Она прижалась спиной к стволу высокой сосны – не только древляне умели маскироваться в лесу. И как только в поле обстрела – она определила это на слух – появился первый воин, женщина вышла из-за дерева. С гулким звуком распрямилась освобожденная тетива. Мелькнуло в листе оперение стрелы, древлянский воин вскрикнул, схватившись за грудь. С невероятной скоростью из колчана была извлечена следующая стрела. Выстрел – и женщина снова скрылась. Древляне остановились.

– Вон она, – произнёс Мал, указывая на мелькнувшую в листе тень. – Убейте её!

И древляне разделились: большая часть устремилась в указанном гигантом направлении, остальные двинулись за князем по тропинке.

Но «это» оказалась не она. «Этим» оказалась брошенная ею сухая ветка. А жена вождя поднялась из-за листвы с луком наготове, и снова воины-древляне испытали на себе ярость лесной охотницы. Она разила их точно и беспощадно, с почти невозможной скоростью извлекая из колчана очередную стрелу. Она понимала, что не справится с ними со всеми, но должна была отвлечь их от дочери, отвлечь любой ценой и убить их как можно больше. Она и сама уже была ранена древлянской стрелой, но продолжала битву, даже умудрившись задержать на тропинке князя Мала с его людьми. А потом стрелы кончились. Жену вождя окружали со всех сторон. Враги осмелели, убедившись, что она больше не в состоянии стрелять. Она лишь выхватила короткий охотничий нож, выставив его перед собой.

Древлянский воин ухмыльнулся. Он был крупным, почти такой же большой, как князь Мал. Наверное, он был даже восхищён её мужеством. Но она только что убила стрелой его младшего брата. Тот был не ахти каким воином, но священное право кровной мести ещё никто не отменял. В знак уважения к её храбрости древлянский воин убьёт её сам и сделает это быстро. Он извлёк меч, шагнул к ней. Она вся сжалась, как загнанный зверь, лишь очертив перед собой охотничьим ножом часть пространства. Древлянский воин уже оценил расстояние, меч у него был хорош и длинен. Мать Авося ещё раз взмахнула ножом, древлянский воин навис над ней, и она поняла, что уже всё: по сравнению с оружием древлянина, её нож – лишь жалкая игрушка. Она увидела, как жадно впитало лезвие лучик солнца, пробившийся сквозь листву. Древлянский воин занёс меч и... застыл. Его глаза остекленели, а изо рта вытекла струйка крови. Потом он упал. И мать Авося увидела своего мужа с окровавленным клинком в руке.

Князь Мал быстро настигал беглянку. Он уже выпустил болт из арбалета с большого расстояния и серьёзно ранил старуху. Та даже упала, но умудрилась подняться и, прижав к

себе плачущего ребёнка, заковыляла дальше. Следующий выстрел будет смертельным. Если сократить расстояние хотя бы до семидесяти шагов, то стрела поразит обеих. Мал побежал...

... Это был её муж. Он пришёл за ней. Вождь охотников рода Куницы пошатнулся. Он был весь в крови, страшные раны исполосовали его тело, и в плече торчала древлянская стрела, но он пришёл за ней. Она смотрела в его глаза, в которых сейчас угасала жизнь, и видела боковым зрением, что их окружают древлянские воины. Вот натягиваются луки, и острия древлянских стрел хищно чуют свою добычу готовые сорваться, как охотничьи псы. Но она посмотрела в его глаза и... улыбнулась. Он шагнул к ней, он хотел ещё раз коснуться её, и тогда тьма древлянских стрел чёрными молниями пронзила воздух.

Они упали друг напротив друга – последний князь рода Куницы и его жена. Её ладонь заскользила по траве в поисках его руки.

– Наша дочь будет жить, – прошептала она.

Он смотрел на неё так, как, наверное, смотрел в их первую тайную ночь. И она смогла ответить ему тем же. Их руки соединились. А потом они умерли.

... Силы быстро покидали Ждану, но она, тяжело хрипя, всё ещё бежала по лесной тропинке. Она бежала, чтобы исполнить последнюю волю своей госпожи, в дом которой была принята и в котором жила, как равная. Она знала, что надежды больше нет, но всё равно бежала по лесной тропинке. И тогда...

Ждана остановилась. Перед её мутнеющим сознанием предстала странная картина, и няня лишь крепче прижала к себе девочку. Чёрное смертельное дыхание погони уже холодило её спину, но Ждана стояла, не в состоянии сделать и шага. Прямо на неё по лесной тропинке бежал огромный волк. И никогда ей не доводилось видеть такого диковинного волка. Он был белым. Точнее, серебристым, как умытая луною роса на предрассветной траве. В голове всё помутилось, вот-вот Ждана потеряет сознание. Она начала падать, и тогда нарастающий топот копыт вывел её из предобморочного состояния. Белое пятно волка... нет, это был конь, прекрасный гневный жеребец, а на нём всадник с тяжёлой занесённой секирой...

Князь Мал прижал к плечу арбалет. Он видел, что старуха остановилась, покачнулась, готовая упасть. Это была прекрасная мишень. А у Мала всё было готово для смертельного выстрела. Но всё очень быстро переменялось.

Внезапно на тропинке появился всадник, и Мал узнал его. Не сдерживая коня, всадник проскакал мимо старухи («Он что, здесь один?» – с изумлением успел подумать Мал) и занёс руку с секирой над головой. Мал понял, что его цель переменялась. Он перевёл стрелу арбалета, боги с ней, с этой старухой, и боги с волхвом... Глаза Мала сузились, и он произвёл главный выстрел. В то же мгновение человек на скаку кинул секиру. Кинул её с невероятной силой. А дальше произошло то, чего князь Мал никогда прежде не видел, да теперь уже и не увидит. Секира на лету прямо в воздухе сбила стрелу, разрубив её пополам. И продолжила свой полёт.

«Значит, сказкам о его богатырской силе можно верить?» – почему-то подумал князь Мал. И это была его последняя мысль. С безжалостной силой тарана секира проломила его грудную клетку и вышла уже из спины. А всадник, выхватив меч, бросился на древлянских воинов. Появились и другие всадники. Всё было кончено очень быстро. Никто из древлян не смог уйти.

Кроме Комяги. Вовремя схоронившийся Комяга смог ужом проскользнуть по тайным тропам, чтобы предупредить волхва о внезапном появлении дружины князя Олега.

– Всё. Уходим, – кивнул Белогуб. А потом пронизательно и колюче взглянул на Комягу. – Женщины и дети... кто-то остался? Кто-то жив?

Комяга затряс головой. Он даже не знал, врёт ли. Вроде бы стрела Мала проткнула и старуху, и ребёнка. А гнева волхва Комяга очень боялся. Тем более, что опровергнуть его слова теперь уже явно некому – Комяга видел, что натворила варяжская дружина.

– Нет, волхв, – сказал Комяга. – Никто не остался. Добили всех.

– А где Мал?

– Олег, – хрипло выдохнул Комяга.

Зрачки волхва застыли и сузились.

– Что Олег?

– Он убил его, – сказал Комяга. Потом взглянул на княжеского сына и страшно прошептал волхву: – Секирой.

Белогуб нахмурился, но... Всё потом. Потом будут слова, скорбь, потом будут решения. А сейчас надо уходить!

Человек в сером кивнул, и через минуту они растворились в лесу. Как призраки, что прошли сквозь сумрак леса и вернулись в ночь. И лишь мёртвые и сожжённая деревня остались свидетельствовать о том, что они здесь были.

* * *

А Ждана всё же поймёт, что за ней пришла смерть. Больно хитрой окажется древянская стрела. Она ещё увидит, как князь Олег растопчет и разрубит страшный стреломёт гиганта. А потом Ждана на последнем издыхании протянет князю девочку.

– Олег, спаси её, – прошепчет умирающая няня. – Сбереги последнюю княжну рода...

Глава 3. Разлучённые

Ворон и его добыча – страшное лесное диво – снова волхв Светояр – топот коня и глаза во тьме – о магии более древней – Авось на пепелище – браслет и узелок

1

Высоко в небе над рекою кружил ворон. Сегодня его ждал обильный пир. Ворон видел, как река пронесла тела обоих мальчиков к порогам. Один из них уже был его добычей, а второй сейчас умирал. Водопад сделает своё дело, а потом река, изгибаясь, вынесет оба тела на берег. Ворон полетел к порогу. Мальчик, который был ещё жив, всплыл у переката. Вода перед падением бурлила, пенилась, и вот мальчик полетел в водопад.

И тогда ворон насторожился. Даже предпочёл отлететь в сторону. В круглых глазах-бусинках мудрой птицы мелькнуло отражение. Что-то пришло из леса. И внезапной сверкающей радугой чуть не ослепило ворона. Его век был долог, но никогда прежде видеть такого ворону не доводилось. Разошлись падающие воды, и показалось оттуда огненное радужное крыло огромной птицы и подхватило мальчика. А потом всё закончилось. Это страшное лесное диво ушло. И забрало у ворона его добычу.

2

Прошло несколько дней с тех пор, как остыли последние угли, что были когда-то охотничьей деревней. Остыл и погребальный пепел, он стал одиноким курганом, на котором теперь лишь следующей весной прорастёт новая трава. И это всё, что будет напоминать о жившем когда-то на этой земле роде Куницы. Такой слух побежал по лесам и весям. А князь уж об этом позаботится первым. Похоронить погибших с почестями – это всё, что он смог для них сделать.

Князь Олег ждал волхва Светояра. Возможно, теперь и ему открылось до конца древнее пророчество. Эта маленькая спасённая девочка. Что-то в ней было. Олег увидел это, когда лечил ребёнка от раны, нанесённой стрелой подлого древлянского оружия. Возможно, князь ошибается и дела обстоят по-другому. Но только когда Олег понял, что отвёл от ребёнка беду, девочка, всё ещё испытывая жар, обняла его («Теперь она ушла с дороги теней», – прошептал в этот момент Свенельду берсерк Фарлаф Железная Башка). И князь снова почувствовал нечто, словно где-то очень далеко их сердца, перешёптываясь, всё ещё ведут разговор на языке, понятном лишь сердцам. Хотя, может быть, князь и ошибается, может, это просто усталость – подлая древлянская рана забрала много сил. Девочка молчала. Теперь какое-то время она будет молчать. А потом просто уснула.

Олег позволил ребёнку остаться. Но сам не спал. Слушал ночные шорохи и перешёптывания теней, таящихся во тьме, что окружали терем. И слушал неровное дыхание девочки, доверчиво свернувшейся калачиком у него на груди. Под утро князь всё же уснул. Но никаких горящих во тьме глаз ему теперь не приснилось. Князь Олег проснулся бодрым и полным сил. Самое удивительное, что и девочка проснулась совершенно здоровой. Вот только на тонкой, из полотна, сторгованного у греков, рубашке князя осталось большое влажное пятно. Фарлаф Железная Башка громко смеялся. Да и дружинники его gridsни отводили в сторону смешливые взоры.

- Я буду звать её Росинка, – заявил берсерк.
- Фарлаф, не говори глупостей, – попросил князь.
- Она омыла князя росой утра человеческой жизни...

Олег некоторое время хмурился, а потом и сам расхохотался. Оказалось, девочка во сне описала его.

Волхв Светояр, как всегда, появился внезапно. Обменялись любезностями. Поговорили о новостях. А потом проникательный Светояр спросил:

- Что тебя гнетёт, князь?
- Сон, – сказал Олег.

Волхв пристально посмотрел на Олега и спросил:

- Ты опять слышал топот коней?

– Не только. Я словно ушёл чуть дальше. Я стоял на вершине огромной башни. За границей миров. Я знал это. Ещё я знал, что на двадцать лет старше. Не знаю, откуда, но так бывает во сне. Тяжёлое небо с далёкими молниями окутывало это место. Но теперь я увидел в стене башни сводчатый проём, как вход куда-то. Только он был наполнен тьмой. Как бездонный провал. Он клубился темнотой чернее ночи. И этот нарастающий топот копыт... Он звучал всё громче, словно собирался расколоть изнутри мою голову. И вот когда мне показалось, что я больше не выдержу, эта чернота... Там, во тьме проёма, где-то очень глубоко, зажглись две точки. Как капельки крови на клинке. А потом они приблизились. И я понял, что это глаза. Злобные. Полные ненависти. Глаза твари из тьмы наблюдали за мной. Они стали ещё ближе, как и конский топот. Я вроде бы даже смог различить зрачки и... проснулся.

Волхв помолчал.

- Это уже не в первый раз?

– Да, – подтвердил Олег – Этот сон повторяется.

– Не все сны вещие, – тихо заговорил волхв. – А есть сны лживые, они пытаются накликать то, чего может и не быть. Но... это чёрный сон. Возможно, сон о смерти. Только... Она словно боится тебя. Я соберу волхвов, князь. И, – Светояр улыбнулся чуть печальной, но светлой улыбкой, – у нас есть ещё двадцать лет.

- Волхв, викинг должен умереть в бою.

– Я знаю об обычаях твоего народа. Я соберу волхвов. И послушаю их. Даже древлянского Белогуба – он великий предсказатель.

- Благодарю тебя, Светояр.

– Но я вижу, это не всё. – В глазах волхва появился хитрый огонёк. – Ты ведь хочешь о чём-то попросить? Тебя гнетёт что-то ещё?

Олег помолчал. Юлить с волхвом бесполезно. Они со Светояром чувствовали друг друга, ворожба была их общей тайной матерью, посетившей разные земли в разное время.

- Девочка, – сказал Олег.

– Ведомо мне про это дитя, – кивнул волхв.

- Хотел просить тебя укрыть её.

Волхв внимательно посмотрел на Олега:

- Какое укрытие может быть надёжней твоего терема, князь? И твоей дружины?

– Может, – кивнул Олег. – Сохрани её в Изборске. Или на своём острове, Светояр.

Укрой на озёрном капище.

Волхв помолчал. Потом спросил:

- Пророчество?

– Возможно... Я буду ей отцом, я дам ей своё имя, Хельге. Её будут звать Ольгой. Что-то шепчет мне, что это не простая девочка. Вижу, стать ей великой княжной, но... Тьма рыщет, разнохивает. Защити, укрой её от ворожбы. Спрячь до поры от мира.

3

Человеку в сером пришлось ждать. Хотя он уже успел повелеть Комяге объявить о выборах нового князя. И уже успел пообещать Ладу отомстить Олегу за смерть его отца. Нравился Белогубу этот паренёк. Век волхва долог, подлиннее века ворона, и были у него на Лада свои планы. Серьёзные большие планы.

Но пока человеку в сером пришлось ждать. Следующей полной луны.

Он и дождался. И снова пришёл ночью на чёрный курган, на гадальное капище. И снова бросал кору в огонь и просил скотьего бога Велеса. Но теперь вода молчала. Значит, Комяга не врал. И в тот день они перебили всех – никто не уцелел. Никто из рода Куницы больше не гулял по этой земле.

4

Князь Олег был прав, когда просил Светояра укрыть девочку на островке Псковского озера. Есть на земле места, не доступные чёрной ворожбе, не доступные проникновению магии. Возможно, потому что обладают магией более древней. А может, потому, что пророчество о великих делах просто-напросто не касалось мальчика Авосья.

* * *

Волхв Светояр укрыл маленькую Ольгу на островном капище. Волхвини, жрицы огня, взяли на себя заботу о девочке. Князь обещал по возможности навещать их. Как-то раз Светояр обнаружил ребёнка у священного пламени в обществе волхвинь. Девочка пристально смотрела в огонь.

– Что ты там видишь? – поинтересовался Светояр. – Скажи, Хельге.

– Ольга, – поправила жрица огня с лёгкой улыбкой.

– Авось, – сказала девочка.

– Что?

– Мой братик.

Жрицы огня зашептали. Одна из них склонилась к Светояру:

– У неё был брат?

Волхв пожал плечами:

– У тебя есть братик, маленькая?

– Да. Авось. Он делает мне кораблики. Он там. – Она показала на огонь. – Ему уже лучше.

Волхвиня пристально посмотрела на Светояра, и снова шёпот прошёлся по головам жриц.

– Не выжил никто, – печально покачал головой Светояр. – Гридни князя всех похоронили. Она единственная.

И тогда совершенно отчётливо прозвучал голос девочки:

– Авось жив. Он болел, но теперь ему лучше. Он... у... его спасли.

Жрицы переглянулись.

– Что ты хочешь сказать, маленькая? – деликатно начал Светояр. – Твоего братика?

– Авось жив. Его спасла Злая Баба.

5

Лето прошло свой зенит и уже клонилось к закату. Вот-вот лес начнёт желтеть; а потом отпылают факелами листья, как погребальный костёр, и останутся на осеннем ветру лишь голые скелеты деревьев. Но до этих дней ещё далеко.

Речка обмелела – это лето выдалось скудным на дожди. И однажды утром, когда солнце будет играть в капельках росы, старый мудрый ворон удивится ещё раз. На камнях у водопада он обнаружит мальчика. Целёхоньким и невредимым старый ворон увидит мальчика, который так и не стал его добычей.

* * *

Авось словно проснулся. В его голове обрывками сновидений ещё роились какие-то смутные воспоминания, но что из них было правдой, мальчик не знал. Он сидел на нагретом солнцем валуне рядом с водопадом и понятия не имел, как здесь очутился.

Раны больше не болели. Авось поёжился и взглянул на другую сторону реки, туда, где был запретный лес. Вдруг в его голове словно раздвинулись какие-то тени, приоткрывая нечто таинственное и страшное, что с ним произошло. Мальчик вздрогнул, но потом всё опять заполнилось туманом. Он знал только, что его пытались убить. Эта картинка, как и предупредительный клич отца, как и Незван, плывущий на спине, широко раскинув руки, запечатлелась чётко. И он даже вроде бы, захлёбываясь, падал в водопад, и его спасли. Но кто? Что? Дальше следовал провал.

Авось смотрел на привычный мир, на пороги, речку, лес, и какой-то сквознячок, дующий с запретных земель, еле слышно подсказывал ему, что привычного мира больше нет.

– Сестрёнка, – прошептал Авось, и это было его первое слово, сказанное в мире живых. – Отец, мама...

Авось попытался подняться. Ноги не слушались, как будто были не его, а может, просто затекли. Надо скорее побежать в деревню. Надо сказать всем, что он жив...

Мальчик снова посмотрел на другую сторону реки. Станным образом он понял, что больше не боится тьмы запретного леса. Как будто там у него появился... ещё один дом.

– Меня спасла Злая Баба? – хрипло проговорил мальчик и снова вздрогнул. Но это невозможно. Она – страшное неведомое зло на границе мёртвых... – Я был у неё... – вдруг сказал Авось. Он бросил ещё один взгляд на ту сторону реки. В голове теперь был только этот непонятный туман.

Надо всё рассказать отцу. Авось оперся на правую руку, его мышцы напряглись, и тогда он обнаружил чуть повыше локтя, на предплечье, то, чего у него никогда не было прежде.

Браслет. Это был диковинный браслет из сверкающего металла, может, даже золотой, но никогда прежде и ни у кого мальчик подобных украшений не видел. Да и кто ему даст такую дорогую вещицу?

Но браслет был. Словно сплетённый из множества золотых нитей, перехваченный в центре и свёрнутый в два кольца, браслет ослепительно сиял на солнце.

Что это? – прошептал мальчик. – Откуда?

Надо действительно обо всём побыстрее рассказать отцу.

Но рассказать отцу Авосью больше ничего не удастся. Как и маме. Как и всем, кого он прежде знал. Беда обрушилась на Авосю внезапно, беспощадно и неумолимо. Дома больше не было. Вороньё кружило над пепелищем, где когда-то была деревня рода Куницы. Страшный истукан скотьего бога и бога мёртвых Велеса возвышался над чёрным курганом. Голова куницы, оберег рода (который так и не смог уберечь), покоился у его ног – значит, не выжил

никто. Вот только... Там же, у ног истукана, мальчик обнаружил нечто знакомое. Кто-то положил здесь, на погребальном пепелище, наконечник стрелы с диковинными рунами. Сердце Авося сжалось – это было то самое зачарованное серебро – последнее, что осталось мальчику в память об отце.

Авось нагнулся и поднял наконечник, крепко сжав его в ладони. Мальчик вдруг почувствовал подступающее удушье – вскричали птицы, поднялось с карканьем испуганное воронье, слепые глаза деревянного истукана отыскиали его; у Авося закружилась голова. Он понял, что не может здесь находиться, он должен вырваться из-под чёрной длани бога мертвецов, поднимающейся сейчас над курганом. Мальчик побежал, всё так же задыхаясь, он бежал, не ведая пути, ноги сами несли его по привычной дорожке, где ещё бродило детство Авося, детство, которое сейчас так вот беспощадно заканчивалось. Ноги вывели его к реке, где он любил пускать кораблики. Сквозь удушье стали проступать всхлипы, которые вот-вот прорвутся спасительными слезами. Авось остался один. У него больше нет дома. У него больше нет никого – он совсем один на этом белом свете...

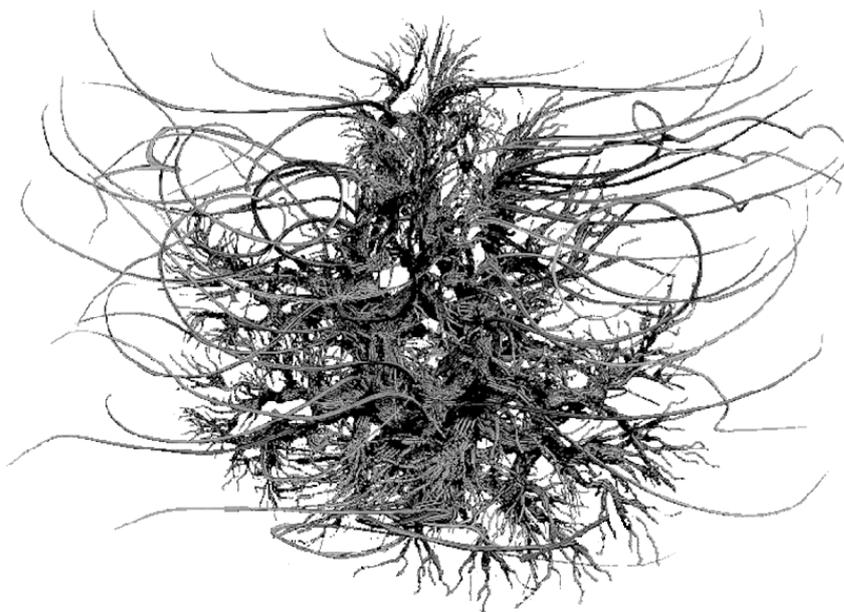
– Они убили мою сестрёнку! – выговорил Авось. И тогда он разревелся. Он плакал – целые потоки слёз. Он оплакивал всех, кого любил, отца, маму, он оплакивал себя, но почему-то прежде всего – свою маленькую сестрёнку, которой больше никогда не сможет показать кораблики, что он мастерил...

Солнце прошло полдень и двинулось на запад, когда Авось перестал плакать. Он не знал, что ему делать, не знал, куда идти. Не знал, как ему дальше жить. У него забрали всё, а взамен дали золотой браслет... Влага снова стала заволакивать глаза, и мальчик горько вздохнул. Потом отёр рукою слёзы. Странно. Авось ещё раз провёл рукой по правой щеке. Чешется, и какое-то уплотнение – шрам? Да, шрам, от древлянского меча. Этот рубцевавшийся шрам на правой щеке теперь, по-видимому, останется на всю жизнь. Но там был не только рубец. Не только. Происхождение, наверное, уродливого шрама мальчик помнил. Непонятным и тревожным было другое...

Авось, нащупывая рукой уплотнение, подошёл к воде. Наклонился и взгляделся в своё отражение. Ошибки не было. Плетёный, сверкающий на солнце браслет – не единственное его украшение. Шрам был словно схвачен металлической (или золотой!) нитью, точно такой же, из которой сплетался браслет. И нить эта оказалась завязана узелком. Прямо в кожу щеки Авося был вдет золотой узелок, как будто кто-то решил пометить его драгоценным уродством. Мальчик, глядя в воду, потрогал узелок. И тогда плотная тень в его голове развеялась, на миг вспыхнув яркой картинкой. Возможно, она была жуткой, возможно – манящей, чарующей, но всё равно пугала.

– Что же это?! – не отрывая взгляда от своего отражения, прошептал Авось.

Часть 2 Люди, волки и корабли

Глава 4. Новая весна и новая осень

***На речном волоке – грядни князя – дураки платят
всегда! – островное капище – сроки близятся –
о луне и тёмной ворожке – что-то изменилось***

1

На речном волоке было шумно. Какой только народец не стекался сюда, перетаскивая свои корабли из одной реки в другую на великом пути из варяг в греки. Не только купцы, не только ратники и посольства и не только странствующие богомольцы – каких только бродяг и искателей приключений не притягивал сюда зов дальних дорог.

Приходили варяги из земель, укутанных северными ветрами, и уходили путями столь же неведомыми, как и помыслы их древних богов; одни шли в поисках доблести и славы, другие – за добычей, что получают грабежом и убийством, третьи – строить новые царства за краем земли. Приходили греки из города, прекрасного, как сон, везли вина, роскошные безделицы, мудрёные механизмы и поволоку – легчайшие ткани. Заносило сюда людей с Запада, те везли медь, железо и клинки для мечей с клеймами германских городов. Шли люди с Востока, из полуденных стран, торговали шелками, специями, серебром и дамасской сталью, и торговали историями невероятными и пряными, как их специи. Шли славянские купцы из земель киевских, из земель северных, из краёв озёрных и лесных, везли мёд, воск, пушнину – белку, соболя, куницу и горноста, везли мечи в ножнах с Востока и с Запада. И весь этот торговый люд, что мог внезапно превратиться в люд военный, вёз живой товар – рабов, проданных за долги, наловленных по обширным землям, пленённых из тех, кто не сумел погибнуть в бою.

И все они шли. Кто к варягам, за северные ветра, или на Запад, по холодным морям к франкам и бриттам. Кто к грекам в земли, щедро залитые солнцем, на которых ещё помнили бога, превращающего виноградную лозу в вино. Кто на восток к Хазарскому или Каспийскому морю в гостеприимный и справедливый Итиль, где сходились торговые пути со всех сторон света и откуда по воде можно было добраться до персов или посуху караваном в Хорезм, а оттуда – ещё дальше, через пустыни и горы, в сказочную шёлковую империю, лежащую в середине Мира.

2

Авось оторвался от воды, в которой, как в зеркале, разглядывал своё лицо. У него слегка защемило сердце – вот скитальческая жизнь и привела его к тому месту, где когда-то был его дом.

Десять лет уж минуло, как остыли последние угольки на пепелище деревни рода Куницы. Теперь Авось вырос, и все раны той поры давно зарубцевались. На память легла завеса тени, надёжно спрятав от взрослеющего мальчика множество вопросов, что терзали его вначале. Потому что задавать их было некому. Ещё ребёнком Авось сообразил скрывать от окружающих своё неожиданное богатство: браслет на предплечье он прятал за перевязью раны или под длинным рукавом, а шрам с узелком замазывал сажей и уголёк постоянно носил с собой. Но посторонних не удивляло такое поведение, словно они и не замечали в

нём ничего странного. И узелок, и браслет Авось давно уже считал своими оберегами. А потом он вырос, и необходимость скрывать украшения отпала.

Люди видели перед собой стройного и крепкого юношу со светлыми вихрастыми волосами, спадающими на лоб. Взгляд серых, а порою голубых глаз был прям, внимателен и весел; и только иногда в глазах этих появлялась мечтательность, и становилось ясно, что сердце его, изведавшее печали, ещё долго не даст ему покоя... Девушки улыбались Авосю, но порой отводили взоры, когда их щёк касался лёгкий румянец.

Из оружия при юноше был лишь старый, довольно большой обоюдоострый охотничий нож, который вполне можно было принять за небольшой меч.

Авось только что закончил умывание, и сейчас его отражение весело подмигнуло ему – разгорающаяся на волоке ссора вполне может стать той мутной водицей, из которой умелой рукой вылавливается рыбёшка. Юноша, придав себе безразличный вид, решил прогуляться вдоль волока. Спор возник из-за очерёдности прохода между купцами и варягами, прибывшими позже, но довольно бесцеремонно заявившими о своём праве первенства.

Шрам на задубелой от солнца коже лица с вдетым в него золотым узелком служил Авосю не столько украшением, сколько молчаливым доказательством былых ратных подвигов. По крайней мере, юноша на это очень рассчитывал. А про браслет в ответ на восхищённые взгляды завистников (мол, откуда у бродяги такие драгоценности?) он давно уже сплёл целую историю про подарок варяжского конунга, у которого ходил в ратниках. Авось так часто повторял эту небывицу, что почти сам в неё поверил.

Победа в споре осталась за викингами: их грозные секиры, боевые топоры и великолепные тяжёлые мечи произвели неизгладимое впечатление на задиристых, но трусоватых купцов. Те лишь отошли в сторону, сварливо поругиваясь, косо глядя на варягов и сдерживая своих самых бойких товарищей. Ещё бы им не быть бойкими и задиристыми, – Авось усмехнулся, – этим купчишкам: князь Олег гарантировал всем безопасный проход по его землям, и заезжие варяги в знак уважения к князю и его дружине не обнажали здесь меча.

Вынув изо рта соломинку и насвистывая, Авось приблизился к купцам.

– Ну, что, Карифа, так и не надумал? – обратился он к полноватому чернобровому человеку, явно сыну неведомого Востока, с неожиданно маленькими ладошками, усыпанными перстнями. – Найми меня, будет тебе охрана до самого Итиля.

– Ступай своей дорогой, – печально вздохнул Карифа, – и без тебя...

– Скупой платит дважды, – решил напомнить Авось.

– А дурак платит всегда! – отрезал купец и снова искоса взглянул на варягов. Те уже тащили свой драккар по волоку. – Я не скупой, я аккуратный. А про тебя ничего не знаю.

– Гридню княжеской дружины, – попробовал начать издали Авось, кивая на варягов, – они бы не посмели возразить.

Юноша гордо выпрямился.

– Гридню князя?! – Купец изобразил почтение, смешанное со страхом, а потом его чёрные, словно залитые патокой глаза хитро заблестели. – Правда, я слышал, они не похожи на бродяг.

– Что ты понимаешь в княжеской дружине, купец?! – надменно заявил Авось, и его рука совершенно театрально легла на рукоять несуществующего меча.

Карифа расхохотался.

– Ты мне нравишься, юноша, – сказал он. – Правда. Умеешь развеселить. Но шутам не платят за охрану.

– Ты об этом пожалеешь, – веско сказал Авось и вздохнул. – Ну, хорошо... Я готов согласиться на пять дирхамов серебром. Но плати вперёд.

Карифа усмехнулся:

– Охраны у меня и так хватает. Я позволю тебе идти с караваном, если хочешь. Лишняя пара рук не помешает. Проявишь себя – вернёмся к разговору. Окажешься бесполезным – на еду не рассчитывай.

– На еду? – сконфуженно пробормотал Авося.

Карифа посмотрел на свои перстни, потом указал на охотничий нож, висящий у пояса Авося:

– Хочешь – добывай себе в пути пищу сам. Но моё предложение остаётся в силе. А продашь мне этот браслет, – теперь глаза Карифы масляно заблестели (он, как и в первый раз, впился глазами в золотой браслет на предплечье юноши; питал Карифа слабость к украшениям, но такой редкости чудесной работы ему прежде видеть не доводилось), – получишь не пять, и не десять, а два раза по десять дирхамов.

И будто для убедительности купец развёл пальцы и пару раз махнул раскрытыми ладонями.

3

«А ведь она похожа на утреннюю звезду, – думал волхв Светояр, глядя на свою воспитанницу, расчёсывающую волосы у воды. – Как же быстро она выросла». Десять вёсен прошло с тех пор, как она здесь. Князь иногда навещал свою приёмную дочь, и все эти десять вёсен им удавалось хранить в тайне её существование, беречь свой секрет. Волхв, как и просил князь, спрятал Ольгу от ворожбы на запретном острове, и тьма не провела о ней. Теперь князь Олег готовит свадьбу своей приёмной дочери с сыном Рюрика. Что ж, что ж... Волхв поморщился. Вот приходят сроки. Князь хотел прислать за Ольгой свою дружину, да только весточка о таком посольстве... И деревья, и птицы имеют глаза и уши, и кое-что похуже. Уж лучше Ольге появиться в Киеве внезапно. А пока Светояр охранит её лучше ратников.

Волхв ласково улыбнулся, наблюдая за Ольгой, и тревожные складки растаяли на челе Светояра под обручем, что прихватил волосы, теперь выбеленные, как снег.

Девушка поймала его взгляд, улыбнулась старому волхву и чуть зарделась.

– Ты мне споёшь сегодня, Ольга? – спросил тот и словно с сожалением добавил: – Твой голос заставляет моё сердце вспомнить о весне, которой давно нет.

– Как же нет? – радостно откликнулась девушка и обвела рукой всё вокруг. – Вот же!

Волхв вздохнул:

– Я говорю о весне своей жизни.

– Ты чем-то опечален? – с лёгкой тревогой спросила девушка. Но волхв лишь улыбнулся ей, а сам подумал: «Мир меняется, но весна моей жизни всё ещё живёт в таких девушках, как она. Ольга смогла бы стать великой волхвиней, но ей уготована другая судьба. Быть может, более великая, но вряд ли это величие сможет заменить ей радость, звонкую и чистую, как вода родника, что живёт сейчас в её глазах».

– Нет, милая, сердце волхва давно чисто от печалей.

– Скажи, Светояр, а когда приедет отец? – произнесла девушка, и щёки её еле заметно порозовели.

Волхв добродушно улыбнулся.

– Отец? Или молодой княжич? – лукаво спросил он. – Не об Игоре ли заботишься?

О! Краски на лице стало больше. Ольга отвела взор и хотела что-то сказать, но Светояр остановил её:

– Время твоего ученичества закончено. По крайней мере, здесь. На этом острове. – Светояр указал на тайное капище, укрытое на пригорке. – Завтра мы идём в Киев.

– Правда?! – Девушка вскочила и чуть не выронила тяжёлый гребень.

«Вот она – её судьба!» – подумал Светояр. Люб ей княжич Игорь. Молодость... Она могла бы стать великой волхвиней, ей подчиняется огонь, она видит в нём знаки и дружит с ним. Но завтра они покинут место их добровольного заточения и двинутся навстречу её Судьбе. И хорошо, что ей люб молодой княжич...

– Правда, милая, – кивнул Светояр. А потом отвернулся к капищу и чуть слышно прошептал: – Пророчество... Сроки близятся.

Завтра они покинут остров на Псковском озере. И мир начнёт меняться быстрее.

* * *

Рано утром от островного капища отчалил челн-однодревка. Светояр, не спеша и не совершая лишних движений, загребал длинным веслом. Ольга сидела на носу и смотрела на приближающуюся полоску берега. Там её ждала новая жизнь, там бывшую затворницу ждал целый огромный мир. Вдруг девушка обернулась и посмотрела на дикий и теперь уже такой маленький островок, оставшийся позади. Вряд ли она сюда ещё вернётся. Ольга прощалась не только с местом, которое стало ей новым домом, где она постигла многие тайные науки, но и прощалась – вот уж это явно навсегда – с детством и отрочеством. Наверное, без сожалений, но с любовью к этому месту и с тихой печалью в сердце. Потом она перевела взгляд на волхва и нежно улыбнулась своему старому учителю. Но Светояр был задумчив, глубокая складка прорезала его чело. Он смотрел даже не вперёд, а куда-то ввысь, в небо, а видел словно ещё дальше.

– Ладно, сегодня для этого лучший день, – непонятно прошептал Светояр. – Если уж уходить, то сегодня.

Ольга проследила за его взглядом: в утреннем небе можно было увидеть луну, идущую в ущерб, и нежное весеннее солнце одновременно.

Светояр посмотрел теперь на Ольгу, как будто всё ещё разговаривал сам с собой:

– Ещё месяц наш секрет останется неведом.

– Почему? – машинально отозвалась девушка.

– Потому что до следующей полной луны ещё целый месяц, – веско пояснил старец.

– Всё-таки тебя что-то тревожит, Светояр?

Волхв ничего на это не ответил, лишь почти бесшумно продолжал править лодкой. Но вот весло неожиданно резко дёрнулось в его руках.

– Как только ты ступишь на берег, – теперь уже мрачней, вздохнул старец, – остров больше не сможет тебя защитить.

Девушка помолчала. Затем ободряюще улыбнулась Светояру:

– Я и сама кое-что могу. Твои уроки не пропали даром, волхв.

– Не в этом дело, милая. У острова сила, древняя, ещё от зари мира. И там ты была в безопасности. Но как только ты сойдёшь на берег, ты перестанешь быть укрытой от ворожбы.

Светояр перестал грести. Берег был совсем близко.

– Значит, так тому и быть. – Ольга постаралась, чтоб голос её звучал твёрдо. Но Светояр лишь печально улыбнулся и мягко добавил:

– Полная луна открывает дорогу для ворожбы тёмной, милая. Боюсь, что кое-кого сильно заинтересует твоё появление.

В следующую секунду челн уткнулся носом в полоску песка. Переправа с острова окончена. Они были на берегу.

4

И словно волхв Светояр оказался прав, словно содрогнулась тайно от невесомого шага девушки земля, и – побежала по ней лёгкая волна, не ведомая ни человеку, ни зверю. Однако ж побежала, заскользила змеёй по секретным тропкам, потревожила корни деревьев, заволновала рябью воду ручейка, двинула через реки, поля, озёра и веси запретная весточка. И настигла на тропинке в лесной глуши высокую фигуру с тяжёлым посохом в правой руке.

Человек в сером резко обернулся. Он, как и Светояр, совсем не изменился за эти десять лет. Лишь жёстких, даже жестоких морщин на лице заметно прибавилось, да и былую спокойную мудрость в глазах теперь всё чаще вытеснял хищный алчный огонёк. Белогуб только что почувствовал... Он и сам не понял, что именно; неприятное, смутное, будто бы укол какой-то, но вот вроде бы всё уже, прошло, лишь тревожный отголосок тихонько ныл в груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.